

Василий Коноплев

Так не бывает

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Василий Коноплев

Так не бывает

«Автор»

2025

Коноплев В.

Так не бывает / В. Коноплев — «Автор», 2025

Просветительский роман. Так можно было бы определить жанр новой книги автора. Это произведение охватывает в своём повествовании практически полторы сотни лет. В нём, наряду с историческими личностями, действуют и вымышленные образы, но и у придуманных героев есть реальные прототипы. Судьбы людей прослеживаются на фоне событий как дореволюционных, так и периода советской эпохи. В переплетении событий и судеб задействованы, кроме главных действующих лиц, и десятки эпизодических. А ещё двести упоминаются как необходимые для создания исторического фона. Не смотря на обилие имён, дат и фактов, в центре внимания остаётся жизненный путь конкретного простого человека. Внимательный читатель найдёт параллели и с современными политическими событиями, с нынешними явлениями в культуре, сегодняшней повседневной жизнью.

© Коноплев В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

43

Василий Коноплев

Так не бывает

Алексей. 1979 год.

С двадцать пятого августа у Алексея Пожарского начиналась новая жизнь. Накануне он, выпускник областного пединститута, приехал по распределению в районный центр Явленку¹ работать в школе учителем русского языка и литературы. Пожилая секретарша в приёмной директора приняла от него заявление, после заполнения анкет, она подробно объяснила, как пройти в райвоенкомат для постановки на воинский учёт. Когда же секретарша хлопнула ладошкой по папке с собранными документами, Лёшка подумал: «Ну, вот и всё, попал! Завели на меня личное дело!»

– Да, мил человек, – как будто прочитала его мысли секретарша, – начинается ваш трудовой стаж. Пойдёмте к директору.

Седовласый старик в потёртом кителе с орденом Красной Звезды неловко привстал и протянул руку навстречу Алексею через стол.

– Ну, вот и хорошо! С прибытием! Меня зовут Степан Нестерович Гроздов, а вас, молодой человек?

– Алексей Пожарский... Егорович, – Лёша пожал крепкую мозолистую руку директора.

– Ничего-ничего! Привыкайте. Теперь вы на всю жизнь для коллег и учеников будете Алексеем Егоровичем.

Жестом директор предложил присесть напротив него, а сам стал просматривать оставленную секретаршей папку с документами.

– Вот оно как, красный диплом! Отличник, значит! Это хорошо! Ну, я думаю, всё у вас получится. Семейное положение: холост. Это дело поправимое. Коллектив у нас женский. Мужиков всего трое. Трудовик, военрук и я. Так что держи ухо востро! Бабы у нас, то есть сельчанки, народ – ух! Ядрёный! Да ты не смущайся! Дело молодое! – директор подмигнул, без обиняков переходя на «ты». – Ну, да ладно, не об том речь. Я смотрю, ты к нам прямо с чемоданом. И правильно. Мы подготовили тебе жилище. Добротный дом, крестовой! Там баб Маша живёт. Одна. Пенсия у неё небольшая. Вот она и пускает на подселение. Порядок и чистота у неё идеальные. Ну, пойдём. Я тебя сам отведу к ней. Познакомлю, так сказать.

Степан Нестерович как-то неуклюже стал выбираться из-за стола. Опираясь на тросточку и прихрамывая, он вышел на середину кабинета. И тогда Алексей увидел, что у директора был только один левый башмак, а из-под правой штанины выглядывал алюминиевый костыль с резиновым набалдашником.

Жила баб Маша неподалёку от школы. Когда мужчины подошли к её дому, она, как будто ждала, уже стояла на крыльчке:

– Вот и Стёпушка пожаловал. Здравствуйтесь, гости дорогие. Милости прошу в дом.

Пройдя широкую веранду, Алексей оказался в просторных хоромы. Слева у окна расположился стол, напротив – печь с чугунной плитой. Одна дверь напротив входа вела, видимо, в большую комнату, другая, справа, – в комнату поменьше. А вместительная прихожая служила одновременно и кухней, и столовой. Обычно летом баб Маша готовила на лёгкой плите во дворе, но по случаю прихода гостей протопила печь в доме. Знакомый с детства запах свежеспеченного хлеба принял Алёшку в свои объятия.

– Вот здесь, – женщина указала на дверной проём справа от входа, – будет ваша комнатка, не смущайтесь, проходите.

¹ Явленка – село в Северо-Казахстанской области.

– Это, баб Маша, и будет наш новый учитель литературы Алексей Егорович, – представил директор молодого педагога.

– Ага, вместо Грудинихи, значит? – осведомилась хозяйка. – Оно и понятно, если Грудиниха ушла в декрет, вернётся нескоро. Пока пятерых не родит. Я их всех Грудининых знаю. У мамки её детей-то семеро, а у бабки – одиннадцать было.

– Ну, ты, Алексей Егорович, баб Машу не переслушаешь, ты давай, чемоданчик свой в спальнеке пристрой, пиджак скидывай и выходи к нам.

За шторами скрывалась большущая «спаленка». В общежитии, где прожил Лёшка студентом четыре года, на такой площади поместилось бы кроватей пять. А здесь стол, койка, шифоньер и книжный шкаф, расставленные вдоль стен, открывали центр комнаты, как будто для танцев. «Здесь теперь и предстоит мне жить!» – с восхищением подумал Лёха.

Когда квартирант опять появился в кухне, директор сидел во главе стола, хлебосольно накрытого хозяйкой, и разливал по стопкам водку, по-доброму прозванную в народе «коленвал».

Вообще-то, Алексей к спиртному был равнодушен. И на студенческих капустниках ни водку, ни «бормотуху» не употреблял. Приходил со своей бутылкой сухого вина, и одного стакана ему хватало на весь вечер. За что сначала его наградили обидной кличкой «Аристократ» с добавкой «хрёнов», а потом, с чьей-то лёгкой руки, за ним закрепилось более благородное прозвище «Князь Пожарский».

Однако рассказывать о своих алкогольных пристрастиях «старикам», так для себя он окрестил баб Машу и директора, Алёша не стал.

– Присаживайся! – пригласил его Степан Нестерович. – Да и ты, Мария Ивановна, давай к нам, хватит хлопотать, на столе всё есть: и выпить, и закусить.

Было видно, директору не терпелось.

– Да, что ты, Стёпушка, лошадей-то гонишь? – попыталась оправдаться баб Маша. – Вон у Алексея Егоровича тарелка пустая. Я вот шей томлёных налью.

– Это правда, щи у баб Маши – за уши не оттащишь! Мне тоже наливай! Да что ж это будут за щи без водочки? Ну, давайте! С приездом, как говорится, в наши края, за знакомство и на здоровье!

Директор опрокинул стопку, смачно сглотнул, закрыл глаза от удовольствия, наслаждаясь процессом:

– Хорошо пошла! Вот что значит – добрый человек к нам приехал, баб Маша! Отличник! Мария Ивановна только слегка пригубила, Алексей тоже не стал пить до дна.

– Э-э! Так не пойдёт! Оставлять на дне – плохая примета! – Степан Нестерович всё замечал. – Ты, Егорыч, на женскую рюмку не гляди. Ты же мужик!

– Вы уж допейте и закусите! С дороги-то оно ничего, хорошо! – поддержала директора баб Маша. – Да и Степан не отстанет. Он у нас такой!

Алексей опустошил свою стопку.

– Ну и молодец! Теперь давай щец отведай!

Щи были настоявшиеся, со сметанкой, доесть их, правда, Алексей не успел: директор налил уже повторно.

После третьей Степан Нестерович запел:

Артиллеристы, Сталин дал приказ!

Артиллеристы, зовёт отчизна нас!

Из сотен тысяч батарей

За слёзы наших матерей,

За нашу Родину – огонь! Огонь!

Пел директор самозабвенно, хмурия брови, периодически закрывая глаза.

– Он всегда её поёт, когда выпьет, – баб Маша стала поправлять посуду на столе, – сейчас начнёт рассказывать про то, как воевал.

Она вздохнула, промокнула фартуком слезинку на своей щеке, взяла со стола суповые тарелки и отошла к мойке.

Степан Нестерович допел припев и заговорил спокойным голосом:

– Мария Ивановна не любит вспоминать о военной године. Оно и понятно. На фронте погибли и муж её, и сыновья. С младшим из них, Федькой, мы в одном полку служили. Меня летом сорок второго после учёбы направили в артиллерийскую школу. Я же в учительском институте обучался, вот военный комиссариат и отобрал нас на ускоренные курсы. А когда прибыли на передовую, то оказались мы в одном полку с земляком Фёдором Дайкаловым. Ну, как с земляком? Он из Явленки, я с областного центра. А там на передовой это почти что родственники. Федька сизмалства к радиodelу пристрастился. И на фронт его взяли связистом. Вот он и тасках катушки с проводами между батареями. А в свободные минутки заглядывал ко мне во взвод. Он мне всё про мамку, это значит, про Марию Ивановну, и про отца рассказывал. Гордился он им очень. Ты что? Григория Дайкалова все знали. Плотник был знатный. Вот этот дом самолично срубил. Да ещё сколько в селе под конёк возвёл и не счесть! Ну, а повоевать-то нам с Фёдором довелось всего в одном бою. Поставили нашу часть в самый раз там, где немцы готовили прорыв. Видел я, что Федька, где ползком, где перебежкой мотался между окопами, пытался восстановить повреждённые провода, отчаянный парень. Связь – это ж первое дело для командиров. В общем, когда фашист пошёл танковой атакой, нам по телефону из штаба было категорически запрещено открывать огонь. Ну, чтобы себя не обнаружить и начать бить в упор. Да какой там. В общем, подожгли мы несколько передовых танков, а те, что шли за ними повернули назад. Радоваться бы! Но тут фрицы стали бить прицельно, по обнаруженным огневым точкам из закрытых своих позиций. Очнулся я в медсанбате. Ну, сестричка и рассказала, что командир дивизиона погиб. «А связист Дайкалов? – спрашиваю её. «Прямое попадание, все, кто был в штабной землянке, все погибли!»

На этих словах Мария Ивановна, уголком косынки прикрыв глаза, скрылась в большой комнате.

– Давай, помянем Фёдора и всех Дайкаловых, не вернувшихся с войны, и моих отца и брата, – не дожидаясь Алексея, директор опрокинул стопку и, не закусывая, сразу обратился к молодому собеседнику: – У тебя-то в семье кто воевал?

– Дед по отцу. Он десять лет назад умер. Только на пенсию пошёл.

– Да, мне вот тоже недолго до пенсии. А потом вы, молодые, нам на смену.

Степан Нестерович разлил остатки водки.

– Давай, как говорится, чтобы не последняя, – он опять выпил. – Ты отдыхай, а завтра с утра в школу. Представлю тебя коллективу. Августовский педсовет, так сказать. Баб Маша, я пошёл.

Опираясь на трость, Степан Нестерович поднялся и уверенно пошёл на выход.

– Может, мне вас проводить? – догнав его уже на крыльце, предложил вслед уходящему директору Лёха.

– Не надо! – подняв руку вверх, остановил его Степан Нестерович.

– Ему недалеко, – пояснила подоспевшая баб Маша, – у Стёпы квартира при школе.

Она присела на ступеньки, глядя в след прихрамывающему ветерану, продолжила:

– Сейчас у него лёгкий протез, вон как с тросточкой смело шкандыбаёт, а когда приехал к нам после госпиталя без ноги, скакал на двух костылях. Он тогда специально заглянул в Явленку, чтобы рассказать, как погиб Феденька. Они с ним так и договорились: кто выживет, расскажет родственникам, как было.

Алексей присел рядом с Марией Ивановной. Вместе они наблюдали, как встречные приветствовали Степана Нестеровича, а бегущие мальчишки приостанавливались перед ним и, поздоровавшись с директором, продолжали мчаться куда-то по своим пацановским делам.

– Крепкий он, – восхитился Лёшка, – практически один выпил пол-литра и хоть бы хны! Баб Маша вздохнула.

– Молодой был – только по сто грамм наркомовских принимал. А потом уже стал двойную норму выпивать, говорит, мол, мы как на передовой. Однако в одиночку, сам с собой, никогда не пьёт. Ему поговорить надо. Он ведь у меня жил долго. Как приехал тогда из города к нам, так и остался. Да его почти сразу и директором назначили. А когда уж новую школу построили, съехал от меня. Там с одной стороны комната сторожа, а с другой – директорское жильё. Но меня Стёпа не забывает. То зимой ребятишек пришлёт, они мне двор почистят, то дров подкинет, то уголька.

Степан

Летом сорокового года родители уговорили Степана поступить в учительский институт. Стало известно, что учёба в старших классах школы и в вузах с первого сентября станет платной. Степан с отличием закончил семилетку и уже год отучился в восьмом классе. Институт проводил экспериментальный набор студентов с неполным средним образованием – в школах не хватало учителей. И вполне логично, по убеждению отца, было оплачивать не просто среднее образование сына, а сразу и профессиональную подготовку².

После первой же сессии приятной неожиданностью для Гроздовых стало решение ректора освободить Степана от платы за учёбу, более того, за отлично сданные экзамены ему была назначена стипендия. В общем, из иждивенца шестнадцатилетний Стёпка с января сорок первого года превратился в кормильца. В семье Гроздовых было трое детей: шестнадцатилетний Степан, на год младше Антон и сестрёнка Верочка – десятилетняя белокурая девчушка. Жили они в бараке, как и большинство семей сотрудников элеватора, где работали мать с отцом.

Мамка всё время твердила: «Учитесь, дети! Не хочу, чтобы вы всю жизнь только лопатой командовали». Степана и не надо было уговаривать. Учился он и в школе, и в институте с удовольствием, как говорится, с огоньком. Знаний из учебников и лекций ему не хватало, поэтому он часто засиживался в читальных залах городских библиотек. Институт только-только организовался, у него пока не было не только книжного фонда, но даже и собственных аудиторий. Занятия проводились в школьных кабинетах, где договаряется, в третью смену. Так что с главой семьи Степан порой виделся только в выходные дни. Отец ещё с работы не успевал прийти, а сын убежал на лекции и возвращался домой зачастую после полуночи, когда батька уже спал, а мать поднималась только покормить Стёпку, чтобы тот не громыхал посудой.

Став студентом, Степан сильно изменился. Крепкий и рослый от природы, он быстро проскочил подростковую неуклюжесть, и теперь статный парень выглядел солидно. К нему с уважением относились не только сверстники, но и преподаватели. Родители гордились своим старшим сыном. А вот младший был полной противоположностью брату. Учёба для Антошки была непосильным бременем. С удовольствием он посещал только уроки немецкого языка, легко он ему давался. Остальные предметы мальчишка не воспринимал. Закончит ли он семилетку, одному богу известно. Ведь уже успел побывать второгодником, дважды отсидел в пятом классе. И несмотря на это, мальчишкой он был добросердечным, общительным, дружелюбным. Но когда речь заходила о выполнении домашнего задания, глаза его грустнели, и он придумывал всякие отмазки. Да лучше лишний раз принести воды домой или наколоть дров, он никогда не отказывал в этом соседям, за что его все любили и привечали: то чаем напоят, то лакомством угостят, которым он, кстати, всегда делился с младшей сестрёнкой.

² С 1 сентября 1940 года в СССР установили обязательную плату за обучение в 8–10 классах средних школ. Также платным было обучение в техникумах и вузах.

Верочку любили и баловали в семье. «Солнышко» с нежностью окликал её отец. И правда, когда она, оживлённая, появлялась после школы с портфелем в руках, в комнатах становилось светлее и радостней. Очаровательная детская улыбка, трогательные лучики весёлых глаз неудержимо пленяли и вызывали умиление.

Каждый выходной отец придумывал для ребятишек какое-нибудь интересное дело. Зимой строили снежный городок и большую горку, на которой каталась детвора со всей округи. Летом, прихватив немудрёный перекус, который мама называла «тормозок», совершали пешие походы то на речку искупаться и порыбачить, то в лес по грибы и ягоды.

А вот в начале лета 1941 года Гроздовым было не до походов. У Стёпки – летняя сессия, у Антохи – экзамены за седьмой класс.

В воскресенье двадцать второго июня Степан с утра готовился к экзамену. Пообедали все вместе. В три часа (по московскому времени это в двенадцать) из радиотарелки объявили, что ожидается важное правительственное сообщение. Мать выбежала во двор, чтобы позвать мужа, он что-то мастерил вместе Антоном. Через пятнадцать минут сообщили, что у микрофона народный комиссар иностранных дел СССР товарищ Молотов.

Тревога мелкой дрожью отозвалась в груди. «Ну, не война же!» – подумал растерянно Степан.

Нарком долго рассказывал о том, что без предъявления претензий Германия совершила разбойничье нападение, атаковала наши границы, есть погибшие и раненые, их более двухсот. Чувствовалось волнение в голосе Молотова. Он, слегка заикаясь, вспомнил, что нападение Наполеона на Россию привело к его краху, потому что народ поднялся против зазнавшегося врага всем отечеством. И через пять-шесть минут речи, наконец, прозвучали самые страшные слова: «Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу».

Значит, это не конфликт на границе, это – Война.

– Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами, – закончил своё выступление Молотов.

Мама растерянно посмотрела на папу и неожиданно зарыдала, уткнувшись ему в грудь, как будто знала больше, чем слышали все. А Степан вдруг осознал, что в речи наркома впервые немцы были названы фашистами.

В понедельник стало известно, что объявлена мобилизация военнообязанных 1905–1918 года рождения.

Нестер Гроздов родился в пятом году, призвали его в июле сорок первого. А уже в сентябре пришла похоронка. Мать молча сидела за столом, глядя на листок с извещением. «В бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 7 сентября 1941 года».

Антон, узнав о смерти отца выскочил за дверь, потому что всегда прятался, когда плакал. У Степана почему-то глаза были сухими. Он до боли в пальцах сжал кулаки. Отчаяние от бессилия и невозможности что-либо изменить в случившемся, вызывали жгучую ненависть к фашистам, не к конкретному человеку, а ко всем. Тогда же он решил для себя, если встретит на фронте немца, (а на фронт он обязательно попадёт, несмотря на то, что ему ещё семнадцать лет), возьмёт за грудки, в глаза вражеские посмотрит и спросит: «За что? За что они убили отца? Что он плохого им сделал?»

Мама после похоронки сильно изменилась: поседела, постарела, стала молчаливой и с головы не снимала чёрный платок.

Вместе семья Гроздовых собиралась теперь очень редко. Антон устроился разнорабочим на элеватор. И они с мамой работали в разные смены. Степан хотел бросить учёбу, но мать попросила не делать этого. Тем более, что ему, как успешному студенту, тоже выдавали карточки, правда, не на продукты, а на трёхразовое питание в заводской столовой. Домашним

хозяйством фактически занималась одна Верочка: десятилетняя девчонка топила печь, мыла полы, отоваривала карточки, готовила немудрёную пищу, при этом усердно училась в школе.

Осенью в учительском институте сменился почти весь преподавательский состав. Местные педагоги ушли на фронт, их сменили эвакуированные из Минска, Москвы и Ленинграда. Степану среди них запомнилась преподавательница географии Александра Фёдоровна Павлова. Статная дама лет сорока. Её низкий грудной голос завораживал. Говорила она негромко, спокойно. Занятия по её предмету всегда проходили увлекательно и необычно: то это было путешествие по морям и рекам планеты, то исследование глубин океанов и недр земных. Всё в приезжей даме было необычным и не похожим на других педагогов. Каштановые волосы, всегда чистые и пышные, заколоты были таким образом, что волной поднимались над высоким лбом. Длинная юбка и приталенный пиджак придавали стройной фигуре некую строгость и притягательность одновременно. Все парни на курсе Степана были в неё тайно влюблены так же, как и в Любовь Орлову, Марину Ладынину, Валентину Серову. Только киноартистки все улыбочивые, а глаза преподавателя Павловой всегда были грустными, никто не видел её смеющейся. Всю зиму и весну сорок второго года она читала лекции и проводила семинары, а экзамены летом принимал другой преподаватель. А случилось вот что.

Среди студентов второго курса, на котором учился Степан, были два неугомонных паренька Санька Петров и Пашка Игнатов. Вечные непоседы, они устраивали на переменах всяческие развлечения и гонки друг за другом. В тот злопамятный день один из них был дежурным. В перерыве внутри пары, которую вела Александра Фёдоровна, Сашка должен был отмыть классную доску. Он, прихватив, ведро и тряпку, принялся за работу. Павел в это время намочил другую тряпку и, не сильно её отжав, запустил в доску со всей силы. Было среди учащихся такое баловство: нужно кинуть мокрую тряпку так, чтобы она прилипла к доске и висела на ней какое-то время. Устраивали даже соревнования, чья тряпка продержится дольше. В общем, развлекались так и второкурсники. С возгласом: «Три тщательнее!» – Пашка осуществил подобный трюк. Пролетев над головой Саньки, бедная тряпка расплющилась на доске, неимоверно разбрызгав лишнюю влагу вокруг себя, в том числе и в лицо дежурного. Обидно! Осознав свою оплошность, Игнатов кинулся в конец класса, зачем-то вскочил на сидение парты последнего ряда и замер в ожидании ответной реакции друга. Петров, не торопясь, изо всех сил отжал тряпку, слепил из неё твёрдый колобок, и, как снежок, запустил его в Пашку, который, увернувшись, ловко спрыгнул с парты. И в тот же момент за его спиной раздался грохот бьющегося стекла. Все, кто были в классе, замерли в изумлении. В кабинет заглянул заместитель декана, он в это время проходил мимо.

Более ужасной ситуации невозможно было придумать. Это занятие проводилось в кабинете истории. На задней стене в ряд были размещены портреты членов Политбюро ЦК ВКП(б). В самом центре должен был висеть портрет Сталина. На его месте торчал из стенки только неприкаянный гвоздь. Изломанная рамка, накрытая тряпкой, лежала на столешнице парты.

– Кто? – сурово спросил замдекана. Взглянув на понурившего голову Петрова, так же кратко приказал: «Пойдём!»

Больше Сашку Петрова никто никогда не видел. Не появилась на занятиях ни в тот день, ни на следующий и Александра Фёдоровна Павлова. Лишь спустя много лет Степан узнал, почему из-за этой шалости безвинно пострадала преподавательница.

Закончились два года учёбы летом сорок второго года. Восемнадцатый день рождения Степана Гроздова совпал с вручением диплома, и он, не задумываясь, сразу пошёл на призывной пункт проситься на фронт. Но на передовой оказался только в сорок третьем в звании младшего лейтенанта после окончания артиллерийских курсов.

Степан стал противотанкистом, или, как сами пушкари признавались, «бойцом одного сражения». Стрелять из короткоствольной гаубицы, находясь в закрытой позиции, и вести

огонь по невидимому противнику, конечно, безопаснее, но не для этого Степан рвался на передовую. Он по-прежнему жаждал встретиться с фашистами лицом к лицу.

Все пушкари во взводе были намного старше нового командира и опытнее как в делах житейских, так и в ратных. На два орудийных расчета младший лейтенант Гроздов был единственным из необстрелянных. Остальные прибыли кто из другой части, кто из госпиталя. Дело в том, что истребительно-противотанковый дивизион, к которому молодой взводный теперь был приписан, лишь накануне прибыл в район боевых действий после переформирования. Такова судьба противотанковых частей – их хватает на один бой.

Днём, получив задание от командира батареи окопаться и замаскироваться, Степан велел личному составу построиться на поверку. После переключки объявил:

– Всем отдыхать, а как стемнеет, будем выдвигаться на огневую позицию. Разойтись, командирам орудий остаться.

Два старших сержанта, крепкие бывалые мужики, присели рядом со взводным у карты, расстеленной прямо на траве. Первым орудием командовал Дмитрий Нечаев, наводчиком у него был брат-близнец Яков. Опытные бойцы, уже третий год на фронте. Второй боевой расчёт состоял под началом Ивана Дубцова, широкоплечего сибиряка. Степан годился своим подчинённым в сыновья, однако старшинство командира по званию опытные бойцы принимали спокойно, с уважением.

– По донесению разведки в нашем направлении со стороны противника готовится прорыв бронетехники. На два орудия нам отведена линия фронта в двести метров, – Гроздов на карте указал участок между оврагом и лесом, – вот здесь. Место открытое. Для каждого орудия нужно подготовить четыре окопа с возможностью перекачивать пушку после трёх-четырёх выстрелов. Наша задача расположить склад с боезапасом так, чтобы доступ к снарядам был на минимальном расстоянии от любой огневой позиции. Задача ясна?

Степан взглянул на сержантов, те кивнули в ответ.

– Разрешите обратиться, товарищ младший лейтенант? – с прокуренной хрипотцой говорил старший сержант Нечаев.

– Разрешаю.

– У вас на рукаве отсутствует нашивка артиллериста-истребителя. Ребята сразу обратили внимание. Наверно, в хозчасти не нашлось. У нас ефрейтор Дронов сам изготавливает не хуже заводских. С латунными стволами. Если вы не против, можем исправить эту ситуацию. Давайте пришьём. А то, как же в бой идти? Без нашивки. Как-то не по-нашему.

Степан смутился, однако возражать не стал. Снял гимнастёрку и передал её бойцам. Справедливости ради, он мог бы сказать, что старшина обещал ему выдать нарукавный знак, когда привезут со склада дивизии, но промолчал.

Как стемнело, выдвинулись на линию укрепления, определённую штабом. Каждый нёс с собой охапку нарезанных веток. Прежде чем подкатить орудия, подготовили по четыре площадки для каждой пушки на расстоянии метров двадцать друг от друга, очистили и уплотнили между ними дорожки. Насыпной бруствер утыкали ветвями, соорудив тем самым зелёную ограду вдоль всей позиции взвода.

Никто не возмущался, когда необстрелянный ещё девятнадцатилетний офицер потребовал каждому расчету обкатать свою «сорокапятку» по всем огневым точкам. Пыхтели, но толкали в темноте орудия с места на место, вырубая на пути торчащие корни и закапывая глубокие ямки. Всё как по Суворову: «Больше пота в ученье, меньше крови в бою». А потом до рассвета таскали бойцы ящики со снарядами, распределяя их между огневыми точками.

Противотанкистов за глаза называли «смертниками». После того, как в сорок втором году были организованы истребительные артиллерийские подразделения, тогда рядовым и сержантам назначили двойной оклад содержания, среди гаубичников родились поговорки: «оклад двойной – тройная смерть» и «длинный ствол – короткая жизнь». И это было не из зависти. На

истребителей танков смотрели с уважением, как на гвардейцев. Но если в гвардии знак отличия красовался на груди, сверкая красным знаменем, то у артиллеристов тёмный ромб с пушками крест-накрест на левом рукаве гимнастёрки смотрелся как «чёрная метка».

Чуть забрезжило, в расположении взвода появился связист Фёдор Дайкалов с катушками проводов за плечами и с полевым телефоном на боку. Поприветствовав, протянул Степану телефонную трубку:

– Командир дивизиона на связи.

Гроздов услышал хриплый голос командира:

– Держись, младший лейтенант! В твоём направлении началось движение. Ты готов?

– Так точно, товарищ капитан!

– Не дай себя обнаружить! Подпускай поближе! Я верю в тебя, Гроздов!

Связь прервалась. Дайкалов забрал трубку и пожал руку Степану:

– Удачи тебе, земляк!

– Тебе тоже! – ответил Гроздов.

Они обнялись.

Степан прильнул к биноклю и, пытаясь оценить расстояние до цели, ждал. Он понимал, что, если подбить две передовые машины с расстояния в пятьсот метров, то два других «панциря» домчатся до линии огня уже через пару минут, не говоря уже об идущих следом. Их придётся бить в упор. А нужно ещё время на смену позиции. Ведь если её не менять, возможно, встречать противника будет уже некому.

Наводчики держали танки в прицеле, командиры орудий смотрели на взводного. Внутри Степана всё сжалось до окаменения, и, когда он взмахнул рукой и крикнул:

– Огонь!

Справа и слева раздалось по хлопку. Через пару секунд хлопки повторились. Теперь всё зависело от командиров орудий. Как и предполагалось, два передовых танка остановились: один задымился, другой развернуло из-за разорванной гусеницы. Близнецы с расчётом уже перегоняли «сорокопятку» на новое место, когда вздыбилась земля на месте их первой огневой точки. «Молодцы! – про себя одобрил их маневр Гроздов. – Успели!» А вот орудие богатыря Дубцова продолжало выпускать снаряды по идущим на них танкам.

– Менять позицию! – неистово заорал взводный.

Услашали бойцы или сами догадались, выдернув из земли сошки, они стали вытаскивать пушку из орудийного окопа. И в это время землёй от взрывной волны засыпало весь расчет. Когда осела пыль, Степан увидел, что Дубцов с бойцами уже подтягивал орудие на новое место.

Бинокль был не нужен. Танки были близко. Зловещий лязг траков и гул двигателей своей мощностью перекрывали звук орудийных выстрелов. Но это не важно! Важно, что нечаевская «сорокопятка» глухо выстукивала смертельный ритм. Все четыре авангардных «панциря» уже замерли. И вдруг неожиданность. Остановились идущие за ними другие немецкие танки. Они изрыгнули из стволов огонь, и не успел долететь до Гроздова звук выстрелов, как затряслась земля от взрывов, и на месте, откуда вели огонь артиллеристы, образовались ямы. Но орудий там уже не было. Они ответили совсем с другой позиции, и задымались очередных два танка. Выкинув в воздух клубы чёрного дыма, оставшиеся на ходу самоходные железяки с крестами, попятились, продолжая беспорядочно отстреливаться, видимо, не понимая, откуда русские ведут огонь, и сколько их ожидает орудий.

Младший лейтенант в бинокль наблюдал, как танкисты вермахта, выскочив из подбитых бронемашин, спотыкаясь и оглядываясь убегали с поля боя, бросив подбитую технику. «Этих за грудки не возьмёшь! Их просто не догонишь. Да и о чём с ними, удирающими, говорить?» – подумал Степан.

С момента, как в пределах видимости появились танки, и до окончания боя прошло, пожалуй, не более полчаса. Гроздов лёг навзничь и устремил свой взгляд в рассветное небо.

«Быть может, и сестричка Вера сейчас смотрит так же. Хорошо, что они с мамой далеко. Пусть лучше слушают свист птиц, чем осколков». И в этот миг действительно раздался свист, но это был звук летящих мин. Фашисты били издалека по координатам расположения взвода.

Очнулся Гроздов в медсанбате с раздробленной ниже колена ногой и мелкими осколочными ранениями по всему телу. На фронт он больше не попал. Война для него закончилась вместе с первым боем. Ещё несколько месяцев его переводили из одного госпиталя в другой, латая раны. Ногоу, не смотря на возмущение Степана, пришлось ампутировать.

Больно было? Да! Больно! Но он терпел. Пытался привыкнуть к костылям. До крови истирал подмышки. И опять терпел. Тревожно было на сердце, но не за себя, за родных. Уже более полугода он не получал ответа на письма – ни от мамы, ни от брата, ни от сестрёнки. Такое ощущение, что дома его никто не ждал.

Ранним весенним утром сорок четвёртого Степан Гроздов растерянно стоял в родном дворе перед бараком, в котором прошло его детство и из которого он уходил на фронт. В квартиру заходить не стал. Соседи, узнавшие его, сказали, что там теперь живёт семья эвакуированных. На вопрос, куда переселили Гроздовых, как-то путано и смущённо объяснили: брат Антон на фронте, младшую Верочку увезли в какой-то детский дом. А про мать лучше бы и не уточнял. Прозвучало страшно оскорбительное слово – «воровка». Сидит в тюрьме.

Вот так встретила малая родина солдата-инвалида: ни кола, ни двора, ни родных – ничего! И осознал вдруг Степан, что в этом необъятном мире ему некуда податься. За полтора года общения с военными людьми в условиях казарм, фронтовой неприхотливости и госпиталей у него ни разу не возникало вопроса: а где он сегодня заночует?

И теперь на ум Степану пришла только одна мысль: пойти в военкомат. Что он там найдёт? О чём спросит? Не важно! Военные помогут.

Городской военкомат находился на краю города. Дежурный после проверки документов пропустил молодого офицера на костылях на территорию военкомата. Гроздов в окошечко передал удостоверение личности, выданное ему ещё в воинской части. Прождал, сидя на лавочке, с полчаса.

– Товарищ младший лейтенант, пройдите в кабинет военного комиссара, – пригласил его дежурный офицер.

– Разрешите войти? – как положено по уставу, обратился Степан, открыв дверь военкома.

Навстречу ему поднялся бравый майор, протянул левую руку, рукав правой был заправлен за ремень:

– Проходи, проходи!

– Разрешите доложить? Младший лейтенант Гроздов прибыл в родной город после госпиталя.

– Вот и хорошо! Присаживайся. Когда прибыл?

– Да, можно сказать, прямо с вокзала

– И правильно! Значит, домой не заходил?

– Лучше бы не заходил, товарищ майор!

– А что так?

– Нет дома! В квартире живут эвакуированные, брат на фронте, сестрёнка в каком-то интернате.

Про мать Степан не стал говорить.

На столе военкома лежала раскрытая папка, полистав её, майор встал, жестом предупредив, чтобы младший офицер сидел:

– Знаешь, товарищ Гроздов, отчаиваться не надо. Ты вон, смотри, ловко управляешься с костылями, молодец. А про родных спросишь в горисполкоме. Там же получишь пособие и узнаешь, куда тебя временно квартируют. При советской власти не пропадёшь. А сейчас, товарищ младший лейтенант, встань! Смирно!

Майор вышел из-за стола, держа в руке листок бумаги, торжественно зачитал:

– За умелое руководство и отличную организацию действия подчинённых в бою, за нанесение противнику значительного урона и за проявленную при этом личную отвагу наградить младшего лейтенанта Гроздова Степана Нестеровича орденом Красная Звезда.

Степан до хруста в пальцах сжал рукоятки костылей. От неожиданности глаза его наполнились влагой.

– Дежурный! – громко выкрикнул майор. – Ну-ка, подсоби!

И передал вошедшему офицеру орден. А сам продолжил:

– Видимо, пока тебя по госпиталям возили, награда, никак не успевала за тобой. Тогда и прислали орден с удостоверением к нам, в военкомат. Достоин! Носи с честью!

Через минуту гимнастёрку Степана украсил красноезвёздный орден.

– Поздравляю! – военком приобнял Гроздова.

– Спасибо, товарищ майор! Служу Советскому Союзу!

– Вижу по глазам, спросить что-то хочешь?

– Так точно, товарищ майор, можно ли узнать, в какой части служит мой брат, Гроздов Антон Нестерович?

– А вот мы дежурного попросим уточнить, – и передал тому папку со стола, – а ты присаживайся пока, как говорится, в ногах правды нет! Давай-ка обмоем награду.

На столе появилась фляжка с винтовой крышкой, затем пара алюминиевых кружек. Майор плеснул в них спирту, вынул из верхнего ящика стола тарелку с нарезанными пластинками хлеба и салом, поднял кружку:

– Давай, за Победу! – предложил военком.

– За Победу! – поддержал его Степан.

Выпили. Закусили.

– А не подскажите, товарищ майор, как нынче можно добраться до Явленки?

– А тебе зачем?

– Служил в нашем дивизионе земляк, Фёдор Дайкалов, погиб в том же бою, когда и меня ранило. А мы с ним договорились, кто в живых останется, близким сообщит, как погиб тот, кому не повезло. Жребий выпал мне сообщать. Мать его в Явленке живёт.

– Понятно! До Явленки километров сто. Знаешь, давай поступим так. Завтра с утра будет оказия, по районным центрам развозят корреспонденцию, я договорюсь, тебя до Явленки подбросят.

– Вот спасибо!

– А ты как думал, своих не бросаем! – и без перехода обратился к вошедшему дежурному: – Ну, что там?

Майор взял переданный ему листок, взглянул на него и положил перед Степаном. Это было извещение: «Антон Нестерович Гроздов – пропал без вести».

Коллеги

Свой первый трудовой день Алексей Пожарский запомнил надолго. С утра перед педсоветом директор представил молодого специалиста коллективу:

– Алексей Егорович Пожарский, учитель русского языка и литературы, прибыл к нам по распределению после окончания пединститута.

Педагоги одобрительно загудели, стали оценивающе обсуждать нового коллегу:

– Молоденький!

– А хорошенький какой!

– Щёки у него пылают от смущения или это природный румянец?

– Наконец-то, свежего мужичка прислали!

– Холостой?

– Долго не продержится у нас. Сбежит.

– А мы его оженим и никуда он не денется!

– Ну, всё! Языки почесали и успокоились, – прервал говорливых учительниц Степан Нестерович. – У нас августовский педсовет. Для подведения итогов прошлого учебного года и о планах на предстоящий год слово предоставляется заместителю директора по учебной работе Анне Петровне Снитко.

Выступление завуча Алексей слушал без внимания, не вникая в цифры успеваемости и проценты качества знаний учащихся. Тем более, что параллельно с официальной речью по рядам распространялись всевозможные анкеты. В одну из них о кружках и факультативах напротив своей фамилии Пожарский вписал – театральный.

После педсовета Алексей сделался объектом особого внимания.

Первой подошла к нему стройная в спортивном костюме учительница:

– Алексей Егорович, волейболисты нам нужны, теннисисты тоже, а шахматы – это не спорт, забудьте. Тренировки по вторникам и пятницам, после уроков буду ждать, красавчик. Меня зовут Марина Юрьевна.

Алексей вспомнил, что указал в анкете виды спорта, которыми увлекается, волейбол, настольный теннис и шахматы. Марину Юрьевну оттеснила пышнотелая фигура и затараторила:

– Вы написали, что хотели бы из «чёрной кассы» получить уже в сентябре, я понимаю, что вам как молодому специалисту для устройства на новом месте хочется побыстрее занять солидную сумму, но полная зарплата у всех только через месяц, поэтому перепишем вас на октябрь.

– Хорошо, Татьяна Михайловна, запишите на октябрь, – перебил её бравый худощавый капитан, видимо, военрук, и оттесняя говорливую активистку, взял Пожарского под локоть, и полусёпотом продолжил так, чтобы слышал только Алексей: – В час дня заседание мужского клуба. Милости просим в оружейную комнату, в конце правого крыла на втором этаже.

– Алексей Егорович, зайдите в кабинет завуча, – громко обратилась стройная девушка в пионерском галстуке.

Когда Пожарский, постучавшись, вошёл в небольшой кабинет, там сидели двое, кроме завуча ещё и полная дама в очках с толстой коричневой роговой оправой.

Анна Петровна жестом пригласила сесть:

– Познакомьтесь, Алексей Егорович, ваш коллега, руководитель методического объединения учителей русского языка и литературы Наталья Ивановна Полянская.

Не глядя в глаза, Наталья Ивановна кивнула головой.

Завуч продолжила:

– Тут такое дело, уважаемый Алексей Егорович, в учебном плане не предусмотрено такого кружка – театральный. Есть драматический, им уже много лет успешно руководит Наталья Ивановна.

Полянская опять кивнула, пряча взгляд за стёклами очков, и неожиданно предложила:

– Быть может, вам, коллега, выбрать что-нибудь иное, связанное с литературой, языком, в общем, филологического профиля?

– Я ни в коем случае не претендую на драматический кружок, – Пожарский сначала посмотрел на руководителя МО, а затем перевёл взгляд на завуча, – но хотел бы создать в школе настоящий детский театр.

Наконец-то, Алексей увидел серо-зелёные глаза Полянской. Они сверкнули за стёклами очков, в удивлении вперившись в молодого человека:

– Ну, прям сразу-таки и «театр»? – проиронизировала руководитель МО и с нескрываемым раздражением выпалила уже завучу: – Понятно! Юношеские амбиции. Ничего! Скоро это пройдёт. И всё же, Анна Петровна, я бы настойчиво вас просила закрепить за мной драматический кружок.

– Ну, это само собой, Наталья Ивановна, – завуч была несколько растеряна, но, отдать ей должное, спокойна.

Алексей не стал парировать выпад Полянкой и обратился к Анне Петровне:

– За три-четыре месяца я поставлю настоящий спектакль, который увидят все жители Явленки. Поверьте, опыт у меня есть. Более того, я имею профессиональную подготовку. Вот, пожалуйста, – он протянул завучу «корочки».

Анна Петровна раскрыла их и прочитала:

– Настоящий диплом свидетельствует о том, что Пожарский Алексей Егорович прошёл двухгодичную профессиональную подготовку в театральной студии при областном драматическом театре и ему присвоена квалификация «Режиссёр народного театрального коллектива».

Брови Полянкой появились над очками. Пару раз безмолвно открыв и закрыв рот, расстроенная Наталья Ивановна встала и молча удалилась из кабинета.

– Это многое меняет, Алексей Егорович, – заключила завуч и предложила, – а давайте мы пройдем к директору.

Объяснив Гроздову суть дела и положив на директорский стол театральный диплом Пожарского, Анна Петровна взяла выжидательную паузу. Степан Нестерович, помолчав с минуту, почесал затылок:

– А что? Неожиданно! Театр в сельской школе! Захочешь, а не придумаешь такого! Не будем резать крылья талантам, как считаете Анна Петровна? Изыщем резервы?

– У нас всегда остаются часы кружковой работы, невостребованные в географии, биологии, да и по другим предметам. С вашего разрешения я подумаю, как их передать на благое дело.

– Разрешаю. Подумайте. Но и Полянскую не обижайте.

– Само собой, Степан Нестерович! Ну, я пошла.

– Хорошо! А мы с молодым дарованием задержимся.

Дверь за Анной Петровной затворилась. Гроздов плутовски взглянул на новоявленного режиссёра:

– Удивил! Какие ещё секреты припрятал? – директор протянул Алексею диплом. – Ладно, ладно! Вопрос риторический. К тебе капитан уже подходил? Ну, тогда вперед.

Мушкетёры

Алексей был немало удивлён, когда после директора шагнул за порог оружейки. Вместо ожидаемого запаха машинного масла, комната была наполнена духом солёного сала с чесноком. Металлическая крышка стола, прикрытая импровизированной скатертью из газет, была заставлена посудой и снедью: гранёные стаканы, разномастные тарелки, наполненные пупырчатыми огурчиками, мясистыми помидорами, зелёным лучком, пушистым укропом и крупным отварным картофелем, а в центре этого изобилия нарезанное прямоугольными пластинками благоухало ароматное белое сало. Время было обеденное, поэтому от вида такого аппетитного натюрморта Алексей, почувствовав прилив слюны во рту, непроизвольно слотнул её. Домашняя еда, оно и понятно, в магазинах нынче не разживёшься, казённый прилавок обеспечивал только водкой и хлебом.

– Ну, все в сборе, – капитан, уже освободившийся от кителя, широким жестом окинув стол, пригласил собравшихся, – приступим!

Четвёртый из присутствующих, круглолицый пузатый трудовик уже наполнял стаканы живительным напитком «коленвала».

Расселись вокруг стола на металлических с фанерными сиденьями стульях.

– И по традиции начнёт заседание мужского клуба Степан Нестерович, – капитан передал директору стакан.

– Ну, что ж, друзья мои! С открытием сезона. И с расширенным составом. Вот и пополнился наш клуб трёх мушкетёров – четвёртым. Молодой человек, правда, не из Гаскони. Да

и мы не из Парижа. Товарища капитана судьба военная помотала по гарнизонам. Так завертела, что закинула к нам, в Северный Казахстан. Теперь Анатолий Петрович Ржавин, или по нашему Арамис, преподаёт начальную военную подготовку в Явленской школе. Мы только рады такому обстоятельству. Знаний у Анатолия Петровича воз и маленькая тележка. Такого эрудита поискать – не найдёшь. Что говорить! У него в доме, вместо обывательской мебели, все стены уставлены книжными стеллажами. Там тысячи книг. Ну, вот кто из нас может похвастаться, что имеет двести томов из серии «Всемирной литературы»? И все до единого тома им прочитаны! А вот у Олега Ивановича Тищенко, нашего мастера «Золотые руки», страсть к журналам: «Моделист-конструктор», «Техника – молодёжи», «Наука и жизнь», «Знание – сила», «Юный техник», а ещё про радио-конструирование, электротехнику – и только ему ведомо, про что ещё. С мальчишками он собирает и деревянные табуретки, и транзисторные приёмопередатчики. Действующие радиоуправляемые модели Тищенко постоянно демонстрируются на ВДНХ. На наш мушкетёрский манер он у нас Портос. Ну, вот я и представил гордость нашей школы! Теперь о вновь прибывшем. Алексей Егорович Пожарский, кроме того, что с отличием закончил филфак, успел ещё освоить профессию режиссёра и будет у нас руководить школьным театром, который сам и соберёт.

– О! Таланты нам нужны! – вставил реплику капитан.

– Быть может, молодой человек и мечтал остаться в большом городе, – продолжил директор, – но судьба привела его к нам. Надеюсь, он об этом не пожалеет.

Степан Нестерович поднял повыше свой стакан:

– Давайте выпьем за то, чтобы задуманное воплощалось в жизнь. Несмотря ни на что, не обижаться на судьбу...

– Другой не будет! – дуэтом подхватили его тост друзья.

Алексей тоже придвинул свой стакан к трём, пригубил и поставил его на стол. Старожилы заметили это, переглянулись, кивнули друг другу и опрокинули содержимое, выпив залпом до дна. Каждый крякнул и потянулся к закуске.

– А соль где? – спросил трудовик, ища, куда бы обмакнуть огурец.

– Жена моя Галка мне всё время талдычит, что соль – это белая смерть, – военрук выставил на стол солонку.

– Значит, молодая ещё она у тебя, не ведает, что и старая кобыла до соли лакома, – подтрунил над ней трудовик, макая в соль и смачно закусывая запашистым хрустящим огурцом.

– Да я ей тоже говорю, мол, без хлеба не сытно, без соли не сладко, а она всё своё твердит: белая смерть.

– А вот дед Мирка на этот счёт так приговаривает: ешь солёное, пей горькое, долго проживёшь, а помрёшь, так не сгниёшь, – поддержал обмен поговорками директор.

Все рассмеялись и одобрили народную мудрость.

Алексей слушал старших товарищей и наслаждался их прибаутками, не забывая закусывать и про себя размышлять: «Вот ведь попал! Эти три мушкетёра, получается, нарекли меня Дартаньяном! Директор, надо понимать, Атос, стройный военрук – ясное дело – Арамис, а полноватый трудовик – Портос».

– А о чём будет ваш первый спектакль, Алексей Егорович? – спросил трудовик.

– Я давно мечтал инсценировать «Капитанскую дочку» Пушкина.

Старожилы одобрительно закивали головами.

– «Зурин пригласил меня отобедать с ним вместе чем бог послал, по-солдатски. Мы сели за стол. Зурин пил много и потчевал меня, говоря, что надобно привыкать к службе», – цитируя по памяти пушкинскую повесть, капитан Ржавин наполнял стаканы друзьям. – А, я гляжу, наш Дартаньян пока слабоват, и к службе ещё не готов.

Алексей был удивлён тому, насколько точно Анатолий Петрович знал текст «Капитанской дочери», а вот оправдываться, что он, мол, не любитель крепких напитков, не стал. Наоборот, первым потянулся к своему стакану:

– Я понял и ваш намёк, и оценил вашу, Анатолий Петрович, иронию, и, если вы не возражаете, предлагаю в ответ такое присловье: можно отказаться от первой рюмки, но не от второй...

Алексей выдержал паузу, дав возможность присутствующим оценить сказанное.

– Наш человек! – подтолкнув локтём капитана, одобрил трудовик-Партос.

Арамис жестом руки и кивком головы подтвердил своё согласие и устремил взгляд на тостующего.

– Признáюсь, встрече и знакомству с вами я очень рад. Оказаться в одной компании со столь достойнейшими и умнейшими мужами для меня высокая честь. Приложу все свои силы, чтобы оправдать ваше доверие. Извините за высокопарность: поднимем бокалы, содвинем их снова за процветание клуба мужского, – Алексей призывно поднял стакан вверх.

– Хорошо сказал!

– Молодец!

– Поддерживаю!

Гранёные «фужеры» звякнули, нетерпеливо встретившись над столом.

Несколько официальная обстановка во время представления собравшихся после опустошения «бокалов» заметно смягчилась.

– А что мы пропустили из событий в стране и в мире за лето? – обратился Степан Нестерович к Тищенко.

– Двадцать седьмого июня при входе в городской парк культуры и отдыха в Петропавловске установили бронзовый бюст космонавта дважды героя Советского Союза Владимира Шаталова.

– А я был на церемонии открытия памятника, – обрадованно воскликнул Пожарский.

– О, как! – удивился Ржавский.

– Ну, правда, наблюдал издалека. Там народу собралось – не протолкнуться, хотя и среда была. Мы с другом моим Володькой Льяновым возвращались из института после распределения: мне досталось направление в Явленку, а ему в какую-то городскую школу. Это потому, что у него тесть – шишка партийная. В общем, решили мы обмыть это событие, то есть пивка в парке попить. А туда и подойти невозможно. Ну, пробрались мы в толпе насколько можно поближе. А тут как раз белое полотнище с бюста сдёргивают. Нам видны были только три головы: бронзовая и живая Шаталова, а рядом ещё и первого секретаря обкома Демиденко³.

– Повезло тебе. Исторический, можно сказать, момент, – порадовался за молодого человека Степан Нестерович.

– А обмыть распределение-то удалось? – не удержался Партос.

– Конечно! – развеселился Алексей. – Там по случаю события на каждом углу стояла пивная точка.

– Хорошее дело... – хотел было развить тему трудовик, но директор напомнил:

– Ты, Олег Иванович, не отвлекайся. Рассказывай, что ещё произошло за лето.

– Одиннадцатого августа приговор в отношении Антонины Гинзбург⁴ приведён в исполнение.

– Это та самая Тонька-пулемётчица, которую приговорили к расстрелу? О ней в «Правде» писали в мае? – спросил капитан.

³ Василий Петрович Демиденко (1930–1998) – партийный деятель, первый секретарь Северо-Казахстанского обкома партии в 1965–1981 годах. Герой Социалистического Труда.

⁴ Антонина Макаровна Макарова, в замужестве Гинзбург (1920–1979) – военная преступница, палач. Во время Великой Отечественной войны на оккупированной территории расстреливала советских пленных и мирных граждан.

– Да, – подтвердил трудовик. – Что интересно, «Русская служба Би-би-си» решила напомнить о том, что у них, в Великобритании смертная казнь отменена.

– А у нас подобные расстрелы как эхо войны, – философски заключил директор. – Не должна такая мразь с нами по одной земле ходить! Сколько людей она положила в могилу?

– Из доказанных на суде – сто шестьдесят восемь.

– Вот мразь какая! И ведь не на фронте. Мирных, невооружённых граждан расстреливала! – Степан Нестерович сжал кулаки, затем расслабился и обратился к Партосу: – Что ещё есть у тебя?

– Ну, о том, что команда «Пахтакора»⁵ погибла в авиакатастрофе, сообщали и в газетах, и по телевизору, а вот о других трагедиях вы вряд ли знаете. Летом произошло ещё пять крушений самолётов. О них официально не сообщалось. Зачем будоражить мозги и без того расстроенному населению? – неожиданно заключил Олег Иванович.

– И сколько погибших? – спросил капитан.

– Всего... триста... четырнадцать, – прерываясь после каждого слова, произнёс Партос.

Возникла пауза в общении. Она несколько затянулась. Ошарашенный услышанным, Алексей переводил взгляд с одного «мушкетёра» на другого.

– Алексей Егорович, должен вас предупредить, что никогда услышанное здесь, в мужском клубе, не выходило за его пределы и не касалось ни чьих ушей, – директор-Атос сказал это с некоторым напряжением. – Я очень надеюсь на понимание и ваше благоразумие.

Три пары глаз изучающе зондировали молодого человека, станет ли он преданным Дартаньяном или окажется «чужим среди своих»?

И что должен был сказать Алексей? Что товарищи из органов уже не раз проверяли его на «вшивость» в студенческие годы, предлагая сотрудничать. Что «сексотом» он не был, а тех, кто стал таковым, презирал.

– Я понял, Степан Нестерович! Если поверите на слово, я не треплю!

– Поверю! А ты, Олег Иванович, не напрягал бы так, с лёту, парня! У тебя, что, других вестей нет?

– Есть! – трудовик перестроился. – Совершенно свежие. В Нью-Йорке в течение трёх дней не выпускали из аэропорта наш Ил-62. Всё это время пассажиры жили в самолёте.

– Ого! – удивился Арамис.

– Да! – продолжил Партос. – И всё из-за балерины Большого театра Людмилы Власовой⁶. Американская сторона требовала доказательств, что она по своей воле, а не по принуждению покидает Соединённые Штаты.

– И чем же она так ценна для них? – не унимался Арамис.

– Наши СМИ умалчивают, а вот «Голос Америки» объясняет, что её муж, Александр Годунов⁷, во время гастролей попросил политическое убежище.

– Это уже модно стало у молодого поколения бежать на Запад, – ворчливо заметил директор-Атос.

– Всё это – зависть и жажда наживы! – подытожил Арамис. – Ну, чего не хватало этому Годунову? Танцевал главные партии на сцене Большого. Если не ошибаюсь, ему в прошлом году присвоили звание Заслуженного артиста, а пацану всего двадцать восемь лет. Объехал полмира. Может, слава и пример его однокурсника Михаила Барышникова⁸ не давала покоя? Пять лет назад тот тоже стал «невозвращенцем» во время гастролей в Канаде.

⁵ 11 августа 1979 года в воздухе столкнулись два самолёта. Погибли 178 человек. На борту одного из лайнеров находилась ташкентская футбольная команда «Пахтакор».

⁶ Людмила Иосифовна Власова (1942) – артистка балета, солистка Большого театра.

⁷ Александр Борисович Годунов (1949–1995) – артист балета. Заслуженный артист РСФСР. «Невозвращенец» с 1979 года.

⁸ Михаил Николаевич Барышников (1948) – артист балета. «Невозвращенец» в СССР с 1974 года.

– А вот в новогоднюю ночь показывали музыкальную картину «31 июня», – вспомнил Портос, – по-моему, там и снимались Годунов и Власова. Теперь этому фильму, я думаю, «хана».

Алексей слушал всё это, в прямом смысле разинув рот, и пытался вспомнить, как встречал прошлый Новый Год, это было дома, в деревне Бугровка. Да, точно, как раз в полночь шёл странный фильм про какие-то рыцарские времена. Там много пели и танцевали. Кино не впечатлило. В связи с тем, что с Москвой разница в три часа, в ожидании кремлёвских курантов он от безделья щёлкал переключатель каналов. А на следующий день, уже первого января, вечером, показывали телефильм «Обыкновенное чудо», вот эта кинокартина с Мироновым⁹ и Леоновым¹⁰ хорошо запомнилась. «А бабочка крылышками бяк-бяк-бяк-бяк!»

А Портос тем временем продолжал проявлять чудеса памяти:

– Помнится мне, в конце фильма герой Годунова произнёс: «Прощайте... больше я здесь не нужен!» Накаркал, значит, сам себе, гадёныш.

– Интересная прослеживается закономерность, – поддержал товарища Арамис. – Ещё до революции антрепренёр Сергей Дягилев¹¹ создал группу «Русский балет»¹² в Париже. Его прославили легендарные балетмейстеры Вацлав Нежинский¹³ и Леонид Мясин¹⁴. Никто в Россию из них не вернулся. Про Мясина говорили: «У него нет ни души, ни сердца, единственное, что его интересует – это деньги!» Мясин был настолько богат, что выкупил у берегов Италии острова. А помогал ему их благоустроить сам Ле Корбюзье¹⁵, знаменитый французский архитектор.

– А ты в курсе, – прервал рассказ военрука трудовик что этот Лео Мясин, как его звали на французский манер, в марте этого года умер?

– Да ты что? Нет, не знал! Ну, в общем-то, славно пожил артист, дотянув до восьмидесяти с лишним лет.

– Как сообщает «Радио Свобода»¹⁶, эти острова после смерти Мясина выкупил другой русский танцор-миллионер Рудольф Нуреев¹⁷. Он из Советского Союза переметнулся на Запад ещё в шестьдесят первом году, – подтвердил Портос умозаключение друга.

– Ну, что и требовалось доказать! – сделал вывод Степан Нестерович. – Годунову захотелось ласки «жёлтого дьявола». Анатолий Петрович прав, зависть и гордыня обуяли молодого артиста, а это смертные грехи,

– Да ну её к лешему, эту избалованную, изнеженную творческую интеллигенцию, – поддержал своего шефа Анатолий Петрович. – С жиру бесятся! А сало русское едят!

– Вот именно! – подхватил мысль товарища Олег Иванович. – Где родился, там и сгодился! Не обижайся на судьбу...

– Другой не будет, – хором одобрили мушкетёры, подняв стаканы.

Начало

Уроки. Звонки. Переменки. Проверка тетрадок. Оценки. Одно и то же изо дня в день.

К этому Алексей был готов. Даже в рутине будней он пытался находить удовольствие. Ему нравилось, что с его помощью ученики приобретали знания, становились более грамотными.

⁹ Андрей Александрович Миронов (1941–1987) – актёр театра и кино. Народный артист РСФСР.

¹⁰ Евгений Павлович Леонов (1926–1994) – актёр театра и кино. Народный артист СССР.

¹¹ Сергей Павлович Дягилев (1872–1929) – организатор «Русских сезонов» в Европе.

¹² «Русский балет» – балетная антреприза в рамках «Русских сезонов» в Европе.

¹³ Вацлав Фомич Нежинский (1889–1950) – танцовщик, хореограф, ведущий участник «Русского балета».

¹⁴ Леонид Фёдорович Мясин (1896–1979) – танцовщик, хореограф, главный балетмейстер «Русского балета».

¹⁵ Ле Корбюзье (1887–1965) – знаменитый французский архитектор, художник, дизайнер.

¹⁶ «Радио Свобода» – американская радиовещательная программа.

¹⁷ Рудольф Хаметович Нуреев (1938–1993) – артист балета. «Невозвращенец» с 1961 года.

К концу первой учебной недели состоялась встреча с желающими записаться в театральную студию, так он решил пока назвать будущий школьный театр.

Собралось человек двадцать. Девушки и юноши старших классов. Сорок дерзких глаз смотрели на него изучающе. Надо было как-то вдохновить ребят, сделать их своими сподвижниками.

– Тех, кто продержится до конца, до премьерного спектакля, ждут удивительные ощущения счастья. Всё у нас будет по-настоящему. Будем учиться двигаться по сцене, узнаем, как наложить грим, научимся играть так, чтобы в зале зритель поверил, что мы не знакомые им Саша, Миша, Наташа, а герои тех давних времен, которых вы будете изображать. А для постановки я предлагаю взять повесть Александра Сергеевича Пушкина «Капитанская дочка».

В одних глазах у ребят загорелось любопытство, в других – некоторое разочарование.

И Алексей распушился. Он пообещал, что после каждой репетиции или во время её, или перед началом будет раскрываться некая тайна, о которой никто, ну, по крайней мере, в Явленке, до сих пор не знал. И всё это начнётся сегодня!

– А позвольте вопрос? – поднял руку из последних рядов рослый паренёк.

– Конечно. Пожалуйста.

– Ну, персонажей там по сюжету наберётся с десятков, а нас тут вдвое больше. Кто-то получит роль, а что остальные будут делать? Вон у Натальи Ивановны в драмкружке постоянно человек пять заняты.

– Вопрос своевременный, – поддержал Алексей. – Как вас зовут?

– Андрей Стройнов.

– Ну, так вот, дорогой мой Андрей. У нас будет по два, как минимум, актёра на роль. Но играть одновременно на сцене будут все. Сегодня в основном составе, завтра в массовке.

– Это что ж, учить придётся слова сразу двух ролей? – хрипло пробурчал кто-то из мальчишек.

– Димка, ты балбес! У массовки слов нет! – ответила за учителя румянолицая, светло-волосая девчушка со вздёрнутым носиком.

– А! Ну тогда нормалёк! – хихикнул вместе с другими сомневающийся лопухий парнишка.

– Меня зовут Ольга Кузнецова, – курногая представилась учителю сама и тут же обратилась с вопросом, – а правда, Алексей Егорович, что вы играли на настоящей театральной сцене?

– Правда, – ответил Пожарский, – но лишь в эпизодах. А в составе народного студенческого театра и в главных ролях. Да мы и к вам в Явленку приезжали. Зимой выступали в районном клубе. Показывали спектакль «Попытка не пытка!»¹⁸

– Я помню. А кого вы там играли? – не унималась дивчина с русой косой.

– Диму Ручейкова – абитуриента театрального училища, который пытался доказать профессору, что умеет перевоплощаться.

– Так это вы переводевались в женщину репетиторшу?

– Это я!

Аудитория восхищённо загудела, мол, видели-видели эту постановку.

– Однако, давайте вернёмся к нашим овечкам. Итак, действие «Капитанской дочки» у нас начнётся с приезда Петра Гринёва в Белогорскую крепость. Вся предыдущую историю героя зритель узнает из диалогов. А первая картина будет представлять из себя плац с марширующими солдатами и с жителями крепости. Это большая массовая сцена. Таких массовых сцен у нас будет три. Ещё одна во время казни капитана Миронова и третья во время казни самого Пугачёва. Все остальные сцены – это сюжетные конфликты: Гринёв-Швабрин, Гринёв-Пугачёв.

¹⁸ «Попытка не пытка!» – пьеса А. И. Кузнецова. Написана в 1973 году.

чѐв, любовный треугольник Гринѐв-Маша-Швабрин. А, как говорится, за кадром всё время будет звучать голос рассказчика, озвучивающего записки Петра Андреевича Гринѐва.

Было заметно, как загораются интересом глаза тех, кто поначалу сомневался. И вот теперь Пожарский решил окончательно привязать их к себе, к театру, к общему делу.

– Быть может, самые любопытные знают, что Пушкин для своей повести написал не четырнадцать глав.

Алексей подольше, театрально интригуя, тянул паузу, озорно посматривая на мальчишек и девчонок.

– Александр Сергеевич не стал публиковать пятнадцатую. И в рукописи подписал «Пропущенная глава». А мы с вами оживим её и включим в инсценировку. Она увлекательна и выглядит вполне современно. Летом восстание крестьян происходит и в имени Гринѐва-отца. Именно туда Петр Андреевич отправил Машу Миронову с Савельичем после освобождения из швабринского плена. Взбунтовавшиеся деревенские крестьяне заперли своих господ в амбар. Подоспевший Гринѐв-сын в одиночку приходит на помощь своим родителям, но, оплошав, тоже оказывается в заточении. Внезапно появляется Швабрин с пугачѐвцами. Он требует выдать ему Марью Ивановну. Происходит схватка. Отец Гринѐва стреляет в Швабрину, однако промахивается. Взбешѐнный Швабрин приказывает повесить всех Гринѐвых. Но! За это время Савельич успевает сообщить майору Зурину об опасности, и тот с отрядом гусар поспевает вовремя, избавляя Гринѐвых от виселицы и арестовывая Швабрину.

Алексей Егорович смотрел на притихших и зачарованно слушающих школьников. «Всѐ! – решил он про себя. – Они мои! Надо работать!»

– Ну, как, уважаемые? Репетировать будем?

– Будем! Ага! Давайте! – загалдели собравшиеся.

– А вы точно каждый раз станете нам рассказывать что-нибудь такое же обалденное? – высказал общий интерес лопухий.

– Зуб даю! – серьёзно с лукавым прищуром поклялся Пожарский.

Это вызвало общее веселье.

– А можно я буду играть майора Зурина? – решил застолбить себе роль неугомонный парнишка с хриловатым голосом и с оттопыренными ушами.

– Можно, – пообещал Алексей.

– Тогда запишите напротив майора Зурина мою фамилию Орешин, – и довольный собой ушастый, кучерявый паренѐк залихватски закрутил под носом несуществующие усы.

Сосед

В выходной день Алексей решил проявить инициативу и помочь баб Маше по хозяйству, хотя и в огороде, и в подсобных сараях у старушки всё было в порядке. Вооружившись метлой, Пожарский принялся подметать двор и территорию за воротами. Площадь в целом немалая. Намахался он порядочно. Присел на крыльцо передохнуть. Облокотился на верхнюю ступеньку. Подставил лицо под лучи тёплого осеннего солнца, веки сами собой сомкнулись. Приятная дрѐма овладела им на мгновение. И он увидел вдруг, что в деревне Гринѐвых крестьяне установили перекладину и приготовились казнить своих господ. Первыми подвели к свисающим петлям Машу Миронову и молодого барина Петра. А смотрел на всё происходящее беспомощный Петруша Гринѐв глазами Алексея Пожарского, и осознавал, что это не театральная сцена и не постановка спектакля. Взглянул он на бедную девушку и узнал в ней Олю Кузнецову, только не розовощѐкую и задорную, а бледную и испуганную. Ничем ей Алексей помочь не может, руки у него связаны за спиной. А тут подходит к ним сам Пугачѐв и удивляется: «Ёк-макарѐк!»

Алексей открыл глаза. Перед ним стоял древний дедок с клюкой и всплѣскивал свободной рукой:

– Говорил я Машке: не пляши с метёлкой. Ну, вот! Доигралась, ёк-макарёк! К ней на крыльцо ведьмак свалился! Ну, и как, не больно сидеть на палке-то, когда летаешь?

Пожарский понял, что вопрос обращён к нему, и ведьмак – это он. Черенок метлы лежала у Лёшки между ног.

– Зашибся небось? Глаза вон как выпучил! – продолжал ворчать старичок. – И чо ты нашёл в Машке-то? Старовата она для тебя. Она, вековуха, и для меня давнепрошлая зазноба. Да я-то привык уже к ней, седоголовой. А ты откель взялся, суматошный? С небес, аль с преисподней?

– Я квартирант. Живу у баб Маши. Вот двор подмёл. Учитель я, вообще-то.

– Да ты что, милоч? Земной, значит? Оно и хорошо! Рано ей ещё и к ангелам, и к демонам. Ты, давай-ка вот, Марусе лукошко передай с грибами. Пусть пожарит. Люблю я жареные груздочки под водочку. Короче, я за чекушкой, а ты на кухню. Буду скоро, ёк-макарёк!

И дедок живо засеменял через двор к воротам, постукивая своим посохом.

Алексей заметил у крыльца небольшую плетёную корзинку с грибами. Отставил в сторону метлу. Усмехнулся. И поднялся в дом.

– Баб Маша, тут какой-то странный старичок с палкой принёс грибы. Просил пожарить. Если честно, я-то думал, что грузди только солят.

– А-а! Это сосед. Дед Мирка. Болтун заполошный! Нет, он человек хороший, добрый. Бобыль. Я иногда ему что-нибудь готовлю. Ну, так, порой посидим, повечерем вместе.

– Он сказал, что пошёл за чекушкой. Скоро вернётся.

– Понятно! Тогда я быстренько сварганю что-нибудь на стол. Заодно попробуешь груздков, жареных с лучком да на маслице.

– А сколько ему лет?

– Он и сам не знает. Но дедом Миркой его величали ещё до войны.

Алексей, помогая накрывать баб Маше стол и расставляя рюмки, думал: «Ну и сильны же явленские мужики, даже такие древние, как дед Мирка, пьют по любому поводу».

Будни

Пышногрудая профсоюзная активистка Татьяна Михайловна заглянула на перемене в кабинет к Пожарскому:

– Алексей Егорович, разыгрываем дефицит. Тяните!

И она приоткрыла крышку коробки, в которой, по-видимому, и находились карточки розыгрыша.

– Ой, какой вы везунчик! – обрадовалась Татьяна Михайловна, когда Алексей показал ей картонный номерок. – После часу дня в кабинете домоводства можете забрать выигрыш. Я побежала дальше.

Алексей перевернул карточку с номером и прочитал: «Бюстгальтер!» Посмотрел по сторонам, не видел ли кто ещё эту надпись и почувствовал, что уши его запылали. «Вот уж, действительно, лифчик-счастливчик! Одним словом, розыгрыш!»

После своих уроков Пожарский пошёл к военруку-Арамису посоветоваться. Что делать в такой ситуации? Принять за шутку? Не обращать внимания? Или..?

Анатолий Петрович разулыбался:

– Да ты не переживай! Тебе ещё повезло! Вот я в прошлом году вытянул венгерский гарнитур. Денег на него у меня не было, да он мне и не нужен. А отказываться нельзя! Учителям нашим тоже не по карману. Хорошо выручил Степан Нестерович. Позвонил в администрацию, мол, не нужна ли там кому венгерская мебель. Слава богу, желающие нашлись. А у тебя наши бабы с руками оторвут эти чепчики для близнецов. Только свисти!

– Спасибо, успокоил, товарищ капитан! Вот сейчас прям выйду в коридор и объявлю: кому нужен мой лифчик?

– Зачем объявлять? Да он и не твой. Татьяна Михайловна у нас открытая дамочка, она, наверняка, уже всем разнесла, что холостому молодому учителю выпало женское счастье. Тебе предложений по обмену отбоя не будет. Ты только не прогадай! Торгуйся за титишники.

И действительно, стоило Пожарскому выйти из кабинета начальной военной подготовки, а к нему уже подлетела физручка Марина Юрьевна, как всегда, в спортивном костюме:

– Алексей Егорович, почему не появляетесь в спортзале? Напоминаю, что тренировки для учителей по вторникам и пятницам, – громко и задорно, чтобы все слышали, объявила учительница физкультуры, а затем тихо и доверительно продолжила, – у меня мужские итальянские туфли, меняться будем?

Она настолько близко прильнула к Алексею, что тот отчётливо внял запах женского пота.

– Простите, не понял?!

– Ну, что ты краснеешь, как помидор на грядке? Талонами меняемся? Я тебе – обувь, ты мне – нижнее бельё.

– А-а! Да! Конечно! Пожалуйста! – и Пожарский протянул свою карточку.

– Ну, вот! А ты боялся! – Марина Юрьевна шаловливо щёлкнула Алексея обменной карточкой по носу и громко объявила: – Жду на тренировке!

И спортивной походкой, слегка виляя упругими ягодицами, удалилась.

«Уф! Освободился!» – с облегчением подумал молодой человек, а к нему уже летела навстречу задорная пионервожатая Настя.

– Я уже всё! – попытался опередить её предложение Алексей.

– Что всё? – не поняла Анастасия.

– Отдал бюстгальтер.

– Чей?

– Мой.

– Кому?

– Марине Юрьевне.

– Зачем?

– В обмен на туфли.

– А-а! Вы про дефицит? Не! Мне бюстгальтер не нужен.

И Пожарский взглянул на грудь пионервожатой, вернее на её отсутствие. «Блин! Неловко как-то получилось!»

– Да вы не переживайте из-за этого, Алексей Егорович.

«Из-за чего не переживать? Из-за её груди или из-за обуви?» – мелькнула мысль в голове парня.

– Я совсем по другому поводу, – красногалстучная Настя даже не смутилась.

– Да? Ну, тогда извините!

– Вас приглашает в приёмную секретарь по очень важному вопросу.

Пожилая секретарша Ульяна Станиславовна встретила Пожарского строго:

– Что ж вы, Алексей Егорович, подводите нас? Вы в военкомате были? Существуют точно отведённые сроки для постановки на воинский учёт. Нехорошо, молодой человек!

– Ульяна Станиславовна, я совсем забыл. Извините, что подвёл вас!

– Да я-то тут причём? Вы школу не подводите! Я ж вас в первый день направляла в военкомат, помните?

– Да, конечно! Я сегодня же, прямо сейчас туда явлюсь.

– Приписное свидетельство с собой не забудьте взять и паспорт.

В военкомате, как и следовало ожидать, встретили Пожарского с претензиями, мол, это что такое? Недовольная сотрудница смотрела на него уничижительно, с раздражением, как будто он мешал ей работать, с брезгливым прищуром она начала отчитывать:

– В приписном свидетельстве чёрными буквами впечатано: в военкомат явиться в трёхдневный срок при изменении места жительства. За нарушение штраф десять рублей. Ты что читать не умеешь?

На несколько хамоватую речь брюзгливой служащей Пожарский отвечать не стал. Она протянула бланк анкеты. Алексей, чувствуя свою вину, молча принял выданную бумагу для заполнения. У стены стояли конторки, сохранившиеся с бог знает каких времён. Самое удивительное, что на конторке лежала перьевая ручка и в круглой выемке стояла чернильница-непроливашка. Алексей уже и забыл, когда последний раз писал жидкими чернилами, наверное, в начальных классах. Он попробовал на испорченном бланке, как получится. Что удивительно, рука сама вспомнила, и он каллиграфически, с нажимом стал заполнять анкету. В это время в помещение зашёл офицер и обратился к ворчливой дамочке:

– Если появится для постановки на учёт призывник... этот-на... Пожарский, направьте его ко мне-на.

– Так вот он, нарушитель, анкету заполняет, товарищ военком, – ответила ворчунья.

Пожарский обернулся.

– Очень хорошо! Алексей Егорович? – офицер, улыбаясь, взглянул Пожарского. – Как управитесь с формальностями, сразу ко мне-на.

И ушёл.

Растерянный, Алексей долго никак не мог сосредоточиться на анкете. «К чему бы это всё?» Закончив, передал бумагу строгой сотруднице.

– Уже заполнили? – доброжелательно приняла документ совершенно изменившаяся мадама. – Очень хорошо! Я уже поставила отметку в приписном свидетельстве. Вот! Возьмите! Александр Данилович ждёт вас.

– Вельми понеже! – не смог не поёрничать в ответ Алексей и порадовался округлившимся в удивлении глазкам ворчуньи. – Весьма вами благодарен!

Удивлённая сотрудница военкомата вряд ли вспомнила реплику Пуговкина¹⁹ из фильма «Иван Васильевич меняет профессию», но, улыбнувшись, кивнула в ответ.

Секретарша военкома, услышав фамилию молодого человека, сама сопровождала Алексея в кабинет начальника.

– Проходите, проходите, Алексей Егорович! – не поднимаясь из-за тяжёлого стола, пригласил капитан. – На учёт встали? Очень хорошо-на! Не удивляйтесь! Я вас помню! По спектаклю! Вы приезжали к нам зимой. Смеялся от души! К-к-к-к! – то ли захихикал, то ли закашлял военком.

– Понятно! А я, если честно, подумал, не в армию ли меня призывают.

– Это успеется! Это гражданский долг! Никуда вы от него не денетесь-на! А пока для государства важнее, чтобы вы-на, как говориться, на ниве просвещения-на... так сказать, у молодого поколения... так сказать, гражданскую и нравственную позицию... советский дух... укрепляли-на.

– Спасибо! Будем стараться! А как насчет штрафа? – не забыл Алексей и про меркантильную сторону проблемы.

– А что у вас десять рублей лишние? Ну давайте их мне-на! – капитан протянул руку.

Алексей от неожиданности открыл рот и задержал дыхание.

– Шутка юмора! – осклабился военком и снова захихикал или закашлял: – К-к-к-к-к!

Пожарский облегчённо выдохнул.

– Этот вопрос мы решим так! Вы оставите объяснительную-на. Вот листок, ручка-на, – военком придвинул к краю стола чернильницу и перьевую ручку.

¹⁹ Михаил Иванович Пуговкин (1923–2008) – комедийный актёр театра и кино. Народный артист СССР.

Алексей оглянулся, стульев поблизости не оказалось. Согнувшись, навис над столом, приготовился.

– Пишите в правом углу. Военному комиссару Явленского района капитану Снитко А. Д. от Пожарского А. Е. По центру – объяснительная. По факту нарушения срока постановки на учёт имею доложить следующее. Задержка произошла из-за поиска места проживания и прописки. Подпись-на. Дата-на.

Забрав объяснительную и взглянув на неё мельком, капитан подытожил:

– Очень хорошо! – и вдруг неожиданно продолжил: – Когда не служившему Алексею выдали военный билет, он аж описался, собственно, поэтому ему и выдали военный билет-на.

Капитан самозабвенно, как-то с придыханием опять захихикал, как будто закашлял:

– К-к-к-к-к! Шутка-юмора! Анекдот, так сказать, к месту-на. А вы где остановились?

– В доме Марии Ивановны Дайкаловой.

– А-а, у баб Маши! Очень хорошо-на!

И тут капитан приглушённо заговорил совершенно о другом:

– Должен вас предупредить, Алексей Егорович. Школьный трудовик Тищенко слушает западные радиостанции-на. Зря, я вам скажу... зря перестали глушить вражеские голоса-на. И капитан Ржавин, военрук в школе, тоже... ещё тот гусь-на. Вы не в курсе? В шестьдесят восьмом он подал рапорт на увольнение-на. Сразу после событий в Чехословакии²⁰. А ему должны были дать майора-на. Не захотел. Странно? Вот! То-то и оно-на!

Алексей не улавливал связи между воинским учётом и учителями школы. Зато военком нить мысли не терял:

– Ржавин из армии сбежал-на... Тищенко и вовсе не служил, белобилетник-на. А воинская служба в Советском Союзе – это что? Правильно! Почётный долг-на, священная обязанность, так сказать, каждого гражданина. Так что будьте готовы! Как только понадобится... сразу в ряды Советской армии. Договорились-на?

Алексей растерянно кивнул.

– Очень хорошо! Будь начеку! – капитан протянул на прощание руку. – Дёрни за чеку! К-к-к-к-к!

Военный комиссар так и не привстал из-за стола.

Озадаченный после странного посещения военкомата, Алексей отправился опять в школу, надо было отчитаться перед секретаршей. На школьном крыльце встретился с завучем Анной Петровной Снитко. «Как же я сразу не догадался. Снитко. У военкома такая же фамилия. Родственники, наверное».

Приятные неожиданности

Через пару недель Анна Петровна попросила сдать учебно-календарные планы по предметам и кружковой работе. Алексей внутренне возмутился: ну, по русскому языку и литературе понятно, есть государственная программа и строгое расписание, а в театральной студии он жил не по регламенту, проводя в ней всё свободное время. Каждый день репетиции по два-три часа. А ещё конструирование костюмов, инвентаря, декораций, учил ребят гримироваться, обучал технике сценической речи. Какие тут учебные планы? По какой программе? Однако возмущаться вслух не стал. Заполнил тетрадку с условным графиком занятий на полгода и понёс к завучу.

Когда он зашёл к Анне Петровне, кроме неё в кабинете находился мужчина с броской характерной внешностью: кудрявая, с проседью, пышная шевелюра; пёстрый шёлковый платок до подбородка вместо галстука; такого же цвета платочек, торчащий из нагрудного кармана.

²⁰ В 1968 году, 21 августа, войска Варшавского договора были введены в Чехословакию с целью ликвидации реформ и завоеваний «Пражской весны». Фактически произошла оккупация Чехословакии с заменой власти.

– Вот, пожалуйста, Яков Моисеевич, – обратилась к нему Анна Петровна, – вы хотели познакомиться с нашим режиссёром, это он и есть, Алексей Егорович Пожарский.

– Помню-помню! Здравствуйте! Я директор районного дома культуры. Яков Моисеевич Горин. Ваш студенческий театр представлял у нас на зимних каникулах изящную комедию из московской жизни. Было весело!

– Если не возражаете, я пойду на уроки, а вы можете здесь пообщаться, – и Анна Петровна удалилась.

– Уважаемый Алексей Егорович, я к вам с предложением, – доверительный голос и обаятельная улыбка Горина обволакивали и притягивали. – В школе нет ни сцены, ни специальных помещений для репетиций. Мы давно уже столкнулись с уважаемым директором Гроздовым, что все свои праздники дети и учителя будут проводить в моём клубе. И в конечном счёте, вы со своим спектаклем... Не удивляйтесь, городок наш небольшой, поэтому все про всё быстро узнают. Так вот, Вы всё равно пришли бы ко мне договариваться о времени выступления. Так?

Алексей кивнул.

– А зачем специально приходите и договариваться? Я уже сам здесь. А не составить ли нам совместный график репетиций и представлений заранее? Как вы на это смотрите?

– О большей удаче я и не мечтал!

– Вот и замечательно, дорогой Алексей Егорович! Но мои предложения на этом не заканчиваются.

Добродушный прищур и проникающий прямо в душу взгляд не позволяли сомневаться, что далее последует не менее интересное.

– Мы взаимовыгодны друг другу! Вам нужны масштабы для постановок, а мне требуется поднимать статус районного клуба. И я принимаю вас к себе на работу режиссёром! У вас ведь есть специальное театральное образование?

– Серьёзное и неожиданное предложение, – Пожарский был несколько растерян, – однако...

– Не спешите говорить «нет», – улыбка не исчезала с лица Якова Моисеевича, – Вы не узнали ещё о всех прелестях вашей будущей жизни. Большую зарплату, чем в школе, я вам предложить, конечно, не смогу. Работники культуры имеют самые низкие ставки на селе. Так что трудитесь на здоровье в школе. Учите ребятшек доброму и вечному. Занимайтесь с ними благородным лицедейством, а за это я вам ещё и доплачивать буду. Принять вас на полную ставку не могу, это всё-таки будет работа по совместительству, а вот на полставки – за милую душу. И для вас ничего не изменится. Как репетировали со своими школьниками, так и продолжайте это делать, только периодически появляйтесь у меня в клубе. Согласны?

– Да я бы и так, без оплаты приходил.

– Э, нет, уважаемый! Каждый труд должен быть справедливо оплачен, в противном случае он превращается в эксплуатацию. А это не по-советски!

Горин улыбнулся ещё шире, так что не ответить ему тем же было невозможно.

– А теперь о нашем с вами секрете. Вторую половину ставки режиссёра я отдам очень красивой и талантливой представительнице слабого, но прекрасного пола.

Алексей поджал губы.

– Это вас, многоуважаемый князь Пожарский, ни к чему не обяжет. Она станет вам просто необходимым помощником. Только подумайте, Вы ведёте уроки, а она занимается костюмами. Вы предлагаете идею оформления сцены, а она с нашим художником это воплощает в жизнь. Ведь ей никто ни в чём не откажет. Пусть только кто-нибудь попробует. Она – жена директора клуба.

Левый глаз Якова Моисеевича плутовски подмигнул.

– Вы должны её помнить. Она училась на курс старше вас на музыкальном отделении. Сашенька Маевская. У неё чудесный голос, и она руководит в клубе вокальной группой. Но... сами понимаете, зарплата невелика. Я думаю, вы подружитесь.

И Алексей вспомнил жгучую брюнетку, которая в составе концертной агитбригады ездила каждое лето по стройотрядам вместе со студенческим театром. Точно, её так и объявляли перед сольным выступлением: Сашенька Маевская. «Ну что ж? – решил Пожарский, – Мир тесен. А за Сашеньку просто радостно! Молодец! Удачно вышла замуж!»

Почему?

Сентябрь прошёл в непрерывных занятиях в театральной студии. Не могло этому помешать и традиционное участие школьников в сельхозработах. Почти каждый день с утра подготавливали автобусы, и учеников средних и старших классов вывозили на картофельные плантации. Куда девались тонны выкопанной картошки, было загадкой. Сельчане кормились с урожаев, снятых с собственных огородов, да и многие из горожан заготавливали так называемый «второй хлеб» на дачных участках и на сотках, выделяемых для посадки картофеля. «Закрома родины пополнились миллионами тонн нового урожая» – сообщала пресса. Где они находились эти «закрома»? Государственная тайна.

Не смотря на неизбежные трудности и монотонность работы, мальчишки и девчонки в этой уборочной эпопее проявляли юношеский задор, находя во всём походную романтику. Поездка в автобусе сопровождалась пением популярных песен, а обеденный перерыв превращался в весёлые посиделки с играми и развлечениями. По кругу шла гитара. Тогда-то и узнали явленские школьники о студенческом фольклоре в исполнении молодого учителя Пожарского. Алексей напевал неизвестные для учащихся куплеты, то наполненные иронией, шутками и намёками на взрослую жизнь, а то лирические и душевные, об искренней любви и преданности.

А после вынужденных сельхоззаготовок у ребят находились силы и на репетиции, на которых Алексей наслаждался любимой работой. Ребята увлечённо осваивали всё предложенное им и трудились без усталости. Порой всем составом сидели в зале и ждали, пока шёл разбор мизансцены всего лишь двух героев. Поначалу режиссёр гордился собой, думая, что все его юные актёры вникают в азы сценического действия. Но, благодаря лопухому Митьке Орехину, того, что первым выбрал себе роль Зурина, однажды многое разъяснилось.

– Алексей Егорович, а нельзя ли ваши чудесные тайны раскрывать до начала репетиции, я тогда, если не занят на сцене, с вашего разрешения мог бы домой смотаться. Надо воды натаскать, мамка на завтра стирку решила затеять.

Все посмеялись над хриплым Митяем, но по глазам ребят Алексей понял, они его поддерживают.

«Так вот почему все сидят допоздна! Ждут интересных рассказов. Ну, что ж, сам привязал их к себе сообщениями о малоизвестном».

– Хорошо! Я согласен. Итак, не кажется ли вам, дорогие мои, странным, что и Пётр Гринёв, и Маша Миронова были единственными детьми в своих семьях? Не задумывались? А давайте поразмышляем на эту тему. В восемнадцатом веке почти все семьи были многодетными. Женщины рожали почти каждый год. В роду должны были быть наследники. Но... очень часто дети умирали. К примеру, у Петра Первого было одиннадцать детей. Не знали? И ни одного наследника по мужской линии. Старшего сына от первой жены, обвинённого в государственной измене, он заточил в крепости, где тот и скончался. Другие умирали младенцами или в раннем детстве. Из дочерей лишь Анна дожила до двадцати лет и Елизавета, ставшая затем императрицей, она единственная умерла в зрелом возрасте пятидесяти двух лет. В общем, выживали в дворянских семьях не многие. Нередко случалось и так, что наследовать имение и титул было некому. Так произошло в семье полководца Суворова, после внуков некому оказалось передавать княжеский титул, полученный фельдмаршалом за военные

победы. Он, кстати, был не просто современником тех событий, что описываются в «Капитанской дочке», Суворов, будучи генералом, доставил пойманного Пугачёва в Симбирск, отбиваясь от не разбитых ещё повстанцев.

– А я летом в областном центре смотрел новый фильм «Емельян Пугачёв»²¹, там про Суворова даже не упоминается, – высказал своё сомнение Андрей Стройнов.

– Это и понятно, зачем показывать, как один национальный герой везёт другого в клетке на казнь. Но если бы ты, Андрей, смотрел фильм повнимательнее, то заметил бы, что в нескольких эпизодах на экране появляется офицер, удивительно похожий на Александра Васильевича Суворова. Так режиссёр попытался восстановить историческую правду. Однако вернёмся к нашим овечкам, то есть к многодетным семьям. Общеизвестно, что у Александра Сергеевича Пушкина была старшая сестра Ольга и младший брат Лев. А ведь мать поэта, кроме них, ещё пятерых родила. Но их, как говорится, бог прибрал. У самого Пушкина жена за шесть лет совместной жизни пять раз была «брюхатой». Так сам Александр Сергеевич называл интересное положение своей жены – красавицы Натальи. И в семьях наших героев скорее всего детей тоже могло быть немало, но выжили только Пётр и Марья. В те времена повсеместно свирепствовали детские эпидемии кори, скарлатины, коклюша. К ним следует добавить и другие заразные инфекционные болезни: оспа, дифтерия, чахотка. Причиной тому были в первую очередь отсутствие должной гигиены и прививок. Кстати, рожали в те времена только в домашних условиях. И помогали роженице либо родственники, либо повивальные бабки. В деревнях их окликали по-простецки – повитухами. Слышали, наверное, о таких? А вот почему именно это слово появилось? Не догадываетесь? После того, как ребёнка заворачивали в пелёнки, именно баба повитуха первой обвязывала, то есть «обвивала», «повивала» дитя лентой, чтобы тот не распеленался. Вот и всё. Ну, конечно, повитуху в народе ещё называли «пупорезкой», «примницей», «знахаркой». В общем, акушерок тогда не было, и младенческая смертность, как и детская, была ужасающей. Это касательно общей статистики в те далёкие времена. А у меня есть по этому поводу и своя версия. Дело в том, что история семейства Гринёвых и Мироновых вымышлена. Их имена и судьбы придумал и изложил в виде дневника героя сам Пушкин. А чтобы придать повествованию достоверность, Александр Сергеевич при публикации даже не упоминал свою фамилию как автора. Этот приём он уже использовал в своём творчестве. Так появились пять рассказов, объединённых одним названием «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». Писатель сам определял, сколько детей будет в семье его персонажей и, зачастую, чтобы не отвлекаться на братьев и сестёр и не тормозить сюжет, оставлял только одного ребёнка. Пример тому есть почти в каждом произведении Пушкина. Это и заглавные герои в первой же поэме «Руслан и Людмила», затем в повести «Дубровский» – Маша Троекурова и Владимир Дубровский, в «Барышне и крестьянке» – Лиза Муромская и Алексей Берестов, по одной дочери было и у стационарного зрителя Вырина, и у мельника в «Русалке», и у Гаврилы Гавриловича в «Метели», и единственным наследником барона был сын Альбер в «Скупом рыцаре», и Евгений в семействе Онегиных, и Владимир у Ленских. Таков авторский выбор.

– А сёстры Ларины? – не удержалась с вопросом розовощёкая Оля Кузнецова.

– Молодец! Правильное уточнение! – поддержал её Алексей Егорович. – Ларины, как исключение, лишь подтверждают правило. Пушкину нужны были обе сестры для противопоставления: одна – «кругла, лицом красна, как эта глупая луна на этом глупом небосклоне», другая – «умом и волею живой, и сердцем пламенным и нежным» одарена. А ещё младшая сестра – легкомысленная виновница дуэли (ну какая без неё интрига?), а старшая – авторская любимица. Неженатый ещё Пушкин изобразил в ней «лучшие черты русской женщины». Не я

²¹ «Емельян Пугачёв» – двухсерийный фильм 1979 года. Режиссёр А.Салтыков.

это заметил, а Белинский. И в заключение ещё одно доказательство, что жизнь – это не литература: после смерти Пушкина, Наталья Николаевна родила ещё троих детей во втором браке.

Ничего себе!

Традиционно в первое воскресенье октября вот уже пятнадцать лет в Советском Союзе отмечался День учителя. Накануне, обычно в пятницу, в областном центре собирали педагогов на торжественное собрание, вручали грамоты и благодарности.

Степана Нестеровича предупредили, что он включён в делегацию от Явленского района. После обеда за ним в школу заехала машина первого секретаря райкома партии.

– Это к добру! – заметил капитан Ржавин, провозжая директора. – Вечером собираем мужской клуб, и ждём вас, как говорится, на щите!

Отменив репетицию в этот день, Пожарский решил заглянуть, наконец-то, в спортзал – надо же как-то время скоротать, да и неудобно уже перед Мариной Юрьевной, ходит за ним целый месяц, уговаривает.

Появление Алексея Егоровича на тренировке вызвало бурное одобрение молодых учительниц, они играли в волейбол. Быстро переодевшись, Алексей влился в одну из команд, с удовольствием выполнял подачи, ставил блоки у сетки, отбивал мяч на приёме, в общем, отдавался игре с азартом, как в студенческие годы. А кроме этого, старался ещё и повеселить компанию шутками перед подачей: «Налетай, подешевело!», «Руки... мыли? Руки мой перед игрой!», «Мяч летит на парашюте, пусть летит, а мы пошутим!», «Мяч подам я очень метко, ты держи его под сеткой!»

После тренировки, девчата благодарили Пожарского за то, что он внёс разнообразие в игру и повеселил их всех.

Марина Юрьевна попросила его помочь установить стол для пинг-понга, чтобы проверить уровень теннисного мастерства Пожарского.

– Ну-ну! – захихикали, уходя девчонки. – Алексей Егорович, не подведите.

Алексей неплохо владел ракеткой, но учительница физкультуры неустанно гоняла его, запуская теннисный шарик из угла в угол стола. В общем, из всех сыгранных партий Марина Юрьевна не проиграла ни одной.

Лёшка не ожидал такого фиаско, расстроенный, пошёл переодеваться. Когда стягивал через голову мокрую футболку, вдруг почувствовал, как чьи-то руки хищно обхватили его из-за спины.

– Не знаю, почему, но потный разгорячённый торс мужчины меня сильно возбуждает, – это была Марина Юрьевна.

Алексей попытался развернуться. У него ничего не получилось, полуснятая, влажная от пота футболка висела на руках, как наручники.

Марина с жаром дышала ему в ухо:

– Неужели ты не замечаешь, как я хочу тебя?

– Стоп, стоп, стоп, стоп! – ничего другого в этот момент парню на ум не приходило.

А пылкая «пантера» губами уже впилась ему в шею поцелуем. Лопатками он ощущал прильнувшие мягкие груди. Самое неожиданное для Лёшки было то, что он уже почувствовал в своём паху предательское шевеление. В этот момент физиология сама управляла кровяными потоками, забирая кровь от мозгов и направляя её вниз.

И вдруг в самый напряжённую минуту за пределами раздевалки прозвучало его имя:

– Алексей Егорович! – звонкий голос капитана Ржавина спасительно размножился эхом в пустом спортзале.

Из горла неудовлетворённой «пантеры» вырвался приглушённый рык:

– Как не вовремя! Дура! Надо было на ключ закрыться!

Когда на пороге раздевалки появился бравый Арамис, Марина уже отпрянула от Алексея:

– Да здесь он, здесь, Анатолий Петрович! Капитан, как всегда, на передовой!

Оттесняя Ржавина в дверном проёме, Марина сделала рукой резкий выпад в направлении ширинки военрука. Тот сложенными ладонями успел прикрыть ценное место.

– Хорошая реакция! Не расслабляйся, служивый! – и амазонка исчезла за дверью.

Алексей, раскрасневшийся, растерянно стоял, вытянув руки с футболкой.

– Тебе помочь? – предложил Анатолий Петрович.

– А? Нет! Спасибо! – приходя в себя, отказался Лёшка.

Пока он переодевался, Ржавин наставительно поучал:

– Я скажу тебе так, дорогой Дартаньян, всё это – твоё личное дело. Марина – баба горячая, несколько озабоченная «миледи». Но имей в виду. Муж у неё – здоровенный громила. Правда, он то на вахте, то беспробудно пьян. Но многим её полюбовникам зубы по одному пересчитал. Его у нас, в Явленке, боятся. Дурак дураком, когда выпьет. Ты мальчик хрупкий, он тебя на раз переломит. Давай-ка лучше в оружейку поднимайся, Степан Нестерович приехал.

Стол уже был накрыт. Директор ещё не подошёл. Мушкетёры приготовились к встрече, прислушиваясь к стуку неритмичных шагов: широкий с перекатом с каблука на подошву, затем укороченный с опорой на костыль и с пристукиванием тросточкой. Дверь открылась. На пороге стоял бравый Степан Нестерович. На пиджаке, отливая серебром, сверкала новая награда. Да и сам Гроздов светился, как надраенная бляха. Было видно, что он доволен наградой и просто счастлив.

Арамис, Партос и Дартаньян акапельно исполнили поздравительный туш в честь награждённого, а затем ринулись обнимать и поздравлять дорогого Атоса.

– Ну, ладно, ладно, друзья мои! Спасибо, конечно, за ваше внимание ко мне. Но вы не представляете, как хочется выпить!

– Давайте за стол, – предложил трудовик.

Расселись, налили, приготовили закуски.

– Позвольте начать мне, – взял инициативу в свои руки капитан. – Ещё в годы войны молодой офицер Степан Гроздов после тяжёлых ранений на фронте прибыл в Явленку. Славный воинский подвиг младшего лейтенанта был отмечен боевым Орденом Красной Звезды. И вот спустя тридцать пять лет партия и правительство вручили бессменному директору средней школы Орден Трудовой Славы. И мы счастливы, что имеем возможность поздравить нашего дорого Степана Нестеровича с заслуженной наградой. Два коротких, один протяжный...

И все дружно подхватили:

– Ура! Ура! Ура-а-а!

Выпили, закусили.

– Спасибо, дорогие мои! – растрогался Гроздов. – Без сомнения, этой наградой отмечена вся наша школа. Что бы я смог сделать без вас! И вот теперь после того, как мы вместе обмыли орден, он стал настоящим. Я почему-то несколько дней назад, когда у меня в исполкоме запросили орденскую книжку, якобы для сверки, не догадался о новой награде.

Степан вынул из внутреннего кармана небольшое красное удостоверение и передал его Алексею.

– Зато вручение, я думаю, стало приятной неожиданностью, – предположил Тищенко.

– Это точно! Я даже разволновался, когда меня пригласили на сцену для награждения. Ну, думаю, грамоту, как обычно, вручат, а тут, на тебе, орден! Сам первый секретарь Василий Петрович Демиденко приколол его на грудь и руку пожал.

Алексей с интересом слушал директора и внимательно разглядывал орденскую книжку²².

– Степан Нестерович, вы меня простите, пожалуйста, но я любопытствую. Вот на обложке изображён герб Советского Союза. Я несколько раз пересчитал и получается, что

²² Документ в виде книжечки в красном коленкоре, в который заносились названия наград и их серийные номера.

вокруг колосьев шестнадцать ленточек. Каждая символизирует Союзную республику, а их ведь пятнадцать.

– А! Молодец Алексей Егорович! Наблюдательность – хорошая черта, а любознательность – похвальная! Это не ошибка, просто вы очень молодой человек. А часть истории нашей для вас тихо умалчивается. Впрочем, лучше об этом может рассказать Анатолий Петрович.

– А я с удовольствием! – согласился военрук. – Но чуть позже, сначала предлагаю выпить! Все поддержали своевременный призыв. Слово взял директор.

– Не будем забывать, что сегодня канун нашего профессионального праздника – Дня Учителя! Все мы очень разные! Анатолий Петрович – военный человек, Олег Иванович – инженер, вот Алексей Егорович – кроме того, что педагог, ещё артист и режиссёр. Но всех нас объединяет учительская судьба. Я вижу, как вокруг каждого из вас собираются школьники, как вы увлекаете их своим любимым делом, как они тянутся к вам, верят в вас и любят. Да это ж самое важное – научить детей верить и любить. Всякие испытания могут вставать у нас и у них на пути, но главное – научиться и научить взаимопониманию, не важно через какой учебный предмет. Вы занимаетесь благородным делом, с чем я вас и поздравляю! Дай бог здоровья и наставникам, и нашим подопечным – ученикам! Им благоразумия, нам терпения! А если даже что-то иногда идёт не так – грех обижаться на судьбу...

– Другой не будет! – продолжили мушкетёры хором и подняли стаканы.

После закусочной паузы капитан Ржавин, вытерев салфеткой губы, начал свой рассказ:

– Скажите, Алексей Егорович, случалось ли вам гулять по ВДНХ в Москве?

– Один раз был на экскурсии, организованной обкомом комсомола для студентов-отличников.

– Превосходно! А не запомнился ли вам фонтан на центральной аллее под названием «Дружба народов»?

– Конечно! В центре хлебные снопы, а по периметру золотые женские фигуры в национальных костюмах.

– Так! Всё верно! Каждая из них символизирует свою республику. А не было желания их посчитать?

– Нет! Вроде и так понятно...

– Что их там шестнадцать! – Анатолий Петрович многозначительно опустил голову и одновременно приподнял брови.

Алексей в удивлении повторил его мимику, быстро соображая: «Слово «республика» женского рода, поэтому там изображены девушки как сёстры, если шестнадцатая фигура символизирует Советский Союз (а это слово мужского рода), то должна бы, по логике, стоять фигура брата. Но её там точно нет!»

Ржавин тянул паузу, давая возможность Пожарскому прийти к какому-нибудь выводу, и кивал головой, как бы ожидая ответа. Алексей пожал плечами.

Старшие мушкетёры переглянулись, дружно вздохнули и развели руками.

– Итак! – капитан продолжал рулить. – Установили фонтан в 1954 году. Ну, Вас тогда ещё, наверное, и в планах не было? А в то время в Советском Союзе было шестнадцать союзных республик. Кроме известных вам ныне, с сорокового года существовала ещё и Карело-Финская ССР.

Капитан открыл один из шкафов и достал металлическую коробочку, в ней оказались монеты. Пошурудив в них пальцами, он достал одну и передал Алексею. Это оказался «троячок» – три копейки 1954 года.

– Посчитай ленточки на гербе! – попросил Ржавин.

Их оказалось шестнадцать. Сколько раз видел Лёшка подобные старые монетки, когда играл в детстве в «чику»! И не догадался посчитать эти несчастные ленточки.

– В общем, в 1956 году Никита Сергеевич пошёл на уступки новому президенту Финляндии и расформировал союзную республику, понизив её статус и убрав из названия слово «Финская». Теперь это Карельская Автономная республика в составе РСФСР. Но слово из песни не выкинешь. Многие документы, созданные в те года, имеют печать и герб СССР с шестнадцатью ленточками, как у Степана Нестеровича на орденской книжке. Не стали разрушать и фонтан на ВДНХ. А вот Карело-Финский павильон упразднили навсегда, правда, там периодически устраивают всякие выставки, кстати, именно там демонстрировали модель первого искусственного спутника Земли.

Анатолий Петрович, блистая эрудицией, постоянно поглядывал в сторону директора, и тот одобрительно кивал головой.

Довольный собой, Ржавин наполнил стаканы «коленвалом» и предложил:

– Не будем, друзья, забывать о празднике. Предлагаю. За нашего главного учителя Степана Нестеровича Гроздова, за его свежую награду, и за то, чтобы к ордену третьей степени поскорее добавились ордена второй и первой, и будет у нас, в Явленке, свой полный кавалер орденов Трудовой Славы.

По-домашнему

Выходные дни для Пожарского были дополнительными рабочими. Он приходил в школу по воскресеньям и проверял накопленные за неделю ученические тетрадки с домашними заданиями и диктантами. Благое время, тишина, никто не отвлекает. Он обычно брал с собой бутылку молока и батон на перекус. Но в воскресный день седьмого октября после проверки тетрадей Алексей по просьбе баб Маши должен был явиться на обед.

Из хаты, возбуждая аппетит, на веранду проникали ароматные запахи обжаренного в масле лука. Рядом с входной дверью стоял посох с набалдашником. «Ёк-макарёк в гостях!» – решил Алексей.

– Ну вот явился именинник, – радостно приветствовал его дед Мирка, восседавший за обеденным столом, как хозяин.

– Здравствуйте! А почему именинник? – удивился Алексей. – Я в июне родился.

– Ну и что? Ты забыл, что ли? Сегодня день венценосного Стефания, наречённого в честь святого первомученика Степана, апостола Христова, – не унимался дед.

– Алёшенька, ты не слушай его поперечного, давай-ка к рукомойнику да за стол, – пыталась отвлечь квартиранта баб Маша.

Пока Пожарский мыл руки, дед Мирка всё не унимался.

– Как это не слушай? Ты, Мария, в мужицкие дела не встрывай! Я специально зашёл в церковь к батюшке, спросил, у каких святых сегодня именины. Он достал месяцеслов и стал перечислять, много кого назвал, эх, полсела могут сегодня гулять! А я запомнил, что и Степан среди других есть. Вот! – вытащил он из кармана чекушку. – Не зря же я в селпо деньги оставил?

– Так я же, дедушка, не Степан – Алексей.

– Как Алексей? Вот ёк-макарёк! Когда перекрестился?

– Да отроду им был.

– Погодь, ты ж директор?

– Нет! Учитель.

– Вот те на! Тебя что разжаловали?

– Да угомонись ты, пень трухлявый! – опять вмешалась баб Маша.

– Как угомонись? Он у тебя живёт? Живёт! Ну? Значит, Степан!

– Да ты забыл? Стёпа уж давненько, как съехал. А это молодой учитель. В школе работает у Степана Нестеровича, деток учит. Алексеем Егоровичем величают.

– А-а! Это тот, что на метле прошлый раз прилетел?

– Ну да! Ой! На какой метле? Чертяка старый, что ты меня в грех вводишь? Окстись, непотребный! Сегодня День учителя, праздник у Алексея. Вот поздравить надо!

– Ну, а я что против? – обрадовался такому повороту событий дед. – Не зря всё-таки в сельпо заглянул!

– Так наливай! – уже начинала сердиться баб Маша. – Борщ стынет!

Это был первый праздник в жизни Алексея, который он отмечал уже третий день подряд: в пятницу – в мужском клубе, в субботу – ученики поздравляли во время уроков, а сегодня вот – в домашней обстановке.

Выпили, закусили.

– Хорошая у тебя работа. Всё время в тепле да под крышей. Дети вокруг. Это ж наше будущее. Что ни говори, а они нас переживут, – пустился в рассуждения дед Мирка.

– Ага! Тебя переживёшь! Уже, верно, три поколения народилось и ушло, а тебя господь всё не приберёт!

– А зачем я ему, пень трухлявый и чертяка старый, так ты меня называешь? Бог-то он всё слышит.

– Обиделся, что ли? – удивилась баб Маша.

– Зачем обиделся? На обиженных воду возят, а я что, лошадь? – парировал дед Мирка.

– Причём тут лошадь? – не поняла хозяйка.

– Вот молодёжь, ёк-макарёк! Забыла, что ли? В ранешние времена таскали водицу с реки в бочках. А запрягали-то в телегу лошадку, да не рысистого скакуна и не здоровую породистую конягу, а каких-нибудь бракованных, увечных кобылок. Они-то, богом обиженные, и возили воду. Отсюда и поговорка пошла про обиженных, на которых воду возят. Верно, учитель?

Алексей кивнул, хотя по этому поводу он знал из курса фольклористики другую версию: «на обиженных воду возят, а на добрых верхом ездят», – но не стал прерывать интересный диалог стариков.

– Вот сколько лет знаю тебя, дед Мирка, а всё удивляюсь, – рассудила баб Маша, – то дурачком прикидываешься, то не помнишь ничего, а то наговоришь с три короба, ну, прям философ.

– Так это ж я всё для тебя стараюсь. А вдруг понравлюсь, обратишь на меня внимание, снизойдёшь к убогому, да и пойдешь за меня, – выдал дед Мирка восторженную тираду и подмигнул Алексею.

– Ну вот, каждый раз про одно и то же. До смертинки три пердинки, а туда же – в женихи!

Алексей не смог сдержаться – и в голос рассмеялся. За столом его поддержали, и они втроём предались примиряющему смеху.

Чекушка закончилась быстро.

– А вот Алексей Егорович давеча зарплату первую получил, – погордилась за квартиранта баб Маша, – со мной не только рассчитался, но и авансом заплатил за проживание.

– Да ты что? Первая зарплата? – дед Мирка округлил глаза. – Ну, здесь одной чекушкой не обойдёшься. Твоя очередь, Лёха, в сельпо бежать.

– Да я к этому случаю приготовился, – Алексей поднялся из-за стола, – у меня в запасе имеется.

– Вот, ёк-макарёк, – проворчал дед Мирка, когда Алексей скрылся в своей спальне, – знатьё бы, что у вас тут запасы имеются, не ходил бы в сельпо.

Но баб Маша его не слушала, занимаясь сменой посуды и выставляя новые закуски.

Алексей принёс обещанную чекушку, хотя в записке была и поллитровка, но завтра у него у самого уроки с утра, да и старики – это ж не мушкетёры по состоянию здоровья.

Ольга

Своего отца Оля Кузнецова почти и не помнила. Ей ещё и четырёх не исполнилось, когда его не стало. Её родители, молодые педагоги, после пединститута оказались по распределению

в Явленке. Трудились в школе. Летом, как и многие молодые учителя, отец подрабатывал воспитателем в пионерском лагере, который располагался на берегу реки. Беда случилась во время купания. Три мальчугана заплыли за ограждение, их потянуло течением к кустам, а там омуты. Первым бросился на спасение детей именно её отец. Подныривал под пацанов, вытаскивал испуганных, бултыхающихся мальчишек ближе к берегу, а самого его вода так и не отпустила. Спасая чужих сыновей, молодой человек осиротил собственную дочь.

В памяти остался образ большого сильного человека: отец садил её на ладонь, поднимал высоко над головой, затем подкидывал, ловил в свои объятия, и долго они, так обнявшись, и кружились. Она всем тельцем прижималась к отцу и была счастлива. И потом, годы спустя, ей постоянно вспоминалась эта мужественная отцовская ласка.

Мама замуж больше не выходила, всю себя отдавала воспитанию дочери. Правда, из школы ушла – ей предложили место в районо. Оленька росла послушным, добрым ребёнком. Учёба давалась ей нельзя сказать, чтобы легко, зато усердие всё компенсировало. Всегда аккуратную, опрятную, дружелюбную, её любили и учителя, и одноклассники. На её розовощёком лице так прямо и читалось – отличница. Маленький рост не мешал ей быть активисткой в общественной жизни, её утвердили школьным комсомольским вожаком.

Из одноклассниц Оля сблизилась только с Настей Петровой. «Хочешь найти Петрову, ищи Кузнецову» – ходила о них присловица. Странная была между ними дружба. Настюха – разбитная девчонка – училась лишь бы не на двойки, чтобы мать не била. Смазливая петровская мордашка с кудрявой головкой нравилась парням. За Настей всегда кто-нибудь да ухаживал. Даже драки случались из-за неё. Обо всех своих приключениях подружка рассказывала Ольге в лицах: как кто целуется, какие подарки приносит, как надоели все ей со своими приставаниями. В десятом выпускном классе Петрова закадрила с Андреем Стройновым. Он за лето сильно вытянулся, отрастил волосы до плеч, стал похож на актёра Олега Видова из фильма «Всадник без головы». Удивительно, но на Ольгу Кузнецову Андрей не произвёл никакого впечатления. «Хлипковат» – думала она, глядя на одноклассника. «Мужчина должен быть сильным, мужественным, ну и умным, красивым, как папа, а уж если полюбить, так один раз и на всю жизнь, как мама», – внушала Оля сама себе. Да и выстраивать с кем-то отношения у неё не было ни времени, ни желания.

Ещё восьмиклассницей, когда изучали в школе «Евгения Онегина», Ольга сделала для себя вывод, что её тёзка, Ольга Ларина, любить не умеет и не способна, слишком легкомысленна, а вот её сестра Татьяна – молодец, всей душой полюбила Евгения, да так сильно, что смогла превозмочь стеснение и первой призналась в своих чувствах мужчине.

А в девятом классе до умопомрачения спорили подружки, соглашаться ли с утверждением Веры Павловны: «Умри, но не давай поцелуя без любви!»

– Я согласна и с ней, и с Чернышевским²³, – настаивала в споре Оля.

– Да? А кто первый произнёс эту фразу в романе? А? Многоопытная и разочарованная француженка Жюли. Ей легко быть светской ханжой, уставшей от продажной любви, – настаивала на своём Настя.

– Если ты хочешь быть и чистой, и верной, полюбив навсегда своего единственного, как же можно перед этим тренироваться с другим? – возражала Кузнецова.

– Да очень просто! Если ты будешь как желторотый птенец открывать свой неопытный клюв, то как бы твой возлюбленный не стал бы искать страстных поцелуев на стороне, – не успокаивалась Петрова.

Ольга, хоть и возмущалась, но где-то в тайных глубинах души была согласна со своей более опытной подругой.

²³ Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889) – русский революционер-демократ, писатель. Автор романа «Что делать?».

Repetet

Каждая репетиция была не похожа на предыдущую. Алексей старался так увлечь ребят, чтобы им было интересно: а что же будет завтра?

У Пожарского был полный набор театрального грима: грубые салфетки – их называли в театре «лигнин»; вазелин – с его помощью грим наносили и снимали; «гумоз» – специальная глина для увеличения носа и подбородка; коробочки красочных мастик для раскрашивания лица; обоюдозаострѐнные бумажные растушёвки для рисования морщин и подводки глаз. А театральная пудра привела всех в умиление! Когда, уже на сцене районного дома культуры Алексей показал ребятам, как может блестеть лицо на сцене под светом прожекторов, все поняли – без пудры ну никак нельзя обойтись! В своё время Алексей выписал её из Всероссийского театрального общества по почте. Оттенков восемь было у него в комплекте.

– У мамки белая и розовая пудра есть! И всё! – это Митька Орешин надтреснутым голосом оценил возможности гримѐрки. – А здесь, прям радуга цветная! Если мамка узнает, что я пудрюсь, домой не пустит!

Все посмеялись, но попробовали: как это – выглядеть смуглым.

Алексей Егорович после общего сбора в гримѐрке попросил остаться только исполнителей главных ролей Марии Мироновой и Петра Гринѐва.

– А что новой истории не расскажите? – как всегда за всех прохрипел Орешин.

– Грим для вас – это дело привычное и не удивительное, да? – Алексей сделал вид, что обиделся. – Чем же вас можно удивить ещё? А знаете ли вы, уважаемые школьники двадцатого века, что современники Пушкина знали о его произведениях намного меньше, чем вы?

– Это как? – не понял Орешин.

– Вот вы уже в шестом классе изучали повесть «Дубровский», а при жизни Пушкина это произведение не было опубликовано, так оно и пролежало в черновиках. И лишь через четыре года после смерти писателя читатели впервые узнали о благородном разбойнике Владимире Дубровском. Кстати, название повести придумали издатели, а не автор. Не знали при жизни поэта и его знаменитую ныне поэму «Медный всадник», не пропущенную в печать цензурой. По той же причине не увидела свет и самая известная теперь его сказка «О попе и его работнике Балде». Да и «Капитанскую дочку» мало кто успел прочитать. Пушкин опубликовал повесть в конце 1836 года в журнале «Современник», на который подписано было всего двести человек. Известно, что в начале января 1837 года даже не все экземпляры журнала были переплетены. А через три недели поэт погиб на дуэли. Это мы с вами сегодня знаем про историю арапа, которого царь женил, а современники Пушкина об этом и не ведали. Так же, как и про «Каменного гостя». Да и «Скупого рыцаря» Александр Сергеевич опубликовал не под своим именем.

– Вот тебе на! – опять не удержался лопухий Орешин. – «Ужасный век! Ужасные сердца!»

– В какой-то степени, Дима, именно так! На этом, дорогие мои, всем – до свидания! А мы вернёмся к нашим овечкам, то есть к репетиции любовной сцены главных героев.

– Спасибо, Алексей Егорович, значит, пока Оля будет учиться целоваться, я успею посмотреть «Очевидное-невероятное». Простой раз передача была про антропомаксимологию, – он артистично выдержал паузу, оценивая реакцию окружающих на его артикуляцию и мудрёное слово. – Я был очень удивлён резервными возможностями человека. Ожидая от научно-популярной передачи новых впечатлений. О! сколько там открытий новых!

Как всегда, подобной скороговоркой Орешину удалось всех повеселить перед уходом.

Начали репетицию.

Первая пара Ольга Кузнецова и Николай Фролов никак не могли настроиться на любовную сцену. Тогда их дублёры Настя Петрова и Андрей Стройнов попытались в момент прощания героев не изображать, а по-настоящему поцеловаться. Было видно, что опыт в этом у них уже был.

– Стоп! Не то! – остановил их Алексей Егорович. – Целоваться в жизни и на сцене – это не одно и то же. Здесь не физиология важна, а повышенная чувственность. Для героев это и первый поцелуй, и, возможно, последний в их жизни, прощальный. И само прикосновение губами зрители могут и не увидеть, но почувствовать.

– Это как? – не понял Андрей. – Покажите!

– Ну, тогда все идите в зал, а Ольга останься на подмостках.

Алексей взял девушку за обе руки, посмотрел в глаза, притянул её к себе, пылко прижал к груди и с жаром произнёс реплику Петра Гринёва: «Прощай, ангел мой, прощай моя милая, моя желанная! Что бы со мною ни было, верь, что последняя моя мысль и последняя моя молитва будет о тебе!»

После этого он отодвинул её от себя, она запрокинула голову назад, взглянув ему в глаза. Искра желания и страха сверкнула в этом взгляде. Затаив дыхание, они стояли так, глядя друг на друга, – и вдруг Алексей, обхватив её одной рукой и закрыв другой от зала, приблизился к её губам настолько, что почувствовал жар её дыхания. В этой позе они замерли. Пожарский почувствовал, что Ольга сначала напряглась, задрожала, а затем вся обмякла. «Она что, теряет сознание? – мелькнула мысль у Алексея. Он вернул её в прежнюю позу. Ноги, действительно под ней подкашивались. Она прикрыла лицо руками, а он, не оглядываясь, умчался в кулисы.

В затянувшейся тишине из зала вдруг раздался негромкий голос Насти:

– Вот это да! А ты, Андрей, так сможешь? А то обмусолишь всю меня губами: желание есть, а чувств нет!

– Ну, наконец-то! Анастасия всё правильно поняла, – поддержал Настю режиссёр, выглянув из-за кулисы, – давайте будем репетировать: «*repetér*» – «повторять».

Выйти в люди!

Алексей соскучился по дому. На выходные он решил съездить в родную деревню – в Бугровку. У него была приготовлена приличная сумма денег, тех самых – из чёрной кассы. Наконец-то, он сможет сам помочь маме. Вот и вырос у неё сын, стал независимым, самостоятельным. Когда пять лет тому назад Пожарский уезжал поступать в институт, на нём был костюм с выпускного вечера, на плечах рюкзачок с картошкой, а в кармане семьдесят рублей на первые пару месяцев.

Батяка был механизатором широкого профиля, мог управлять любым совхозным трактором или комбайном. Алёшка сызмальства любил запах солярки и шум работающего двигателя. Отец брал его помощником то на сенокос, то на уборочную. Папка в кабине посадит его на колени, сам на педали нажимает, а он, мальчуган, смело рулит. «В жизни пригодится», – говаривал отец для самооправдания, а дома вечером нравовчал: «Это, сын не для тебя! Хватит с нас, что мы с мамкой на земле убиваемся. Вон учительница твоя говорит, что тебе дальше учиться нужно, ты – талант! Не загубить бы! В общем, сын, ты должен выйти в люди!» «Какой я талант? – думал Лёшка. – Ну, на баяне или гармошке могу любую мелодию подобрать, ну, стишки там к празднику зарифмовать, продекламировать их на праздничной сцене в чью-нибудь честь – и что? А вот заставить слушаться себя железного коня – это совсем другое! Папка-то это может!» Хотя, пацаном, он замечал, что отец постоянно упухивался, и всегда был на работе. Чтобы днём он когда прилёт, такого и не припомнится. Если не на совхозном поле плугом пашет, то на домашнем огороде лопатой копает, если не в МТМ²⁴ занимается ремонтом техники, то у себя в сарайке что-нибудь мастерит. И врезалось в память его лицо: сухое, строгое, с морщинами в углублениях губ и с желваками, бегающими по щекам, они скрывали боль. Батяка был язвенник. И не сказать, чтобы спиртным злоупотреблял (как все – по праздникам), а на рези в животе порой жаловался. Видно было, терпел. А зря! В тот злополучный день он с утра, как обычно, глотнул облепихового масла (мамка настояла), взял с собой тормо-

²⁴ МТМ – машинно-тракторная мастерская.

зок с перекусом и термос с травяным чаем. Никто и не думал, что живым отца в семье больше никто не увидит. Когда он, скрюченный болью, не смог управлять комбайном, его на полевой летучке отправили в больницу. Часа два его трясли до города, доставили уже в бессознательном состоянии. Потом врачи объясняли – перитонит. Стечение обстоятельств: и прободение язвы, и гнойный аппендикс. Спасти было невозможно.

До областного центра из Явленки Лёшка ехал в районном автобусе, размышляя, что мамка денег для себя так просто не возьмёт, и поэтому искал объяснение: надо обновить памятник на могиле отца. Старшие замужние сёстры с головой ушли в заботы о своих новых семьях. Им до сельского кладбища и дела нет. Жестяные памятник и надгробие уже проржавели, надо бы заменить их на гранитные, а деньги где взять. Вот, сын заработал. Убедительный аргумент.

Автобус шёл медленно, Алексею думалось легко. Мысли перескакивали с одной на другую. И эта другая мысль была об Ольге Кузнецовой. Вчера во время репетиции он так вошёл в образ в любовной сцене, что, казалось, голову потерял. Он был действительно влюблён, но не в Машу Миронову, а в десятиклассницу Ольгу. Когда она после мнимого поцелуя обмякла в его руках, его как молнией пронзило: «Да ведь она тоже по-настоящему любит!» Он гнал от себя эту мысль (она ведь школьница!), старался думать, о чем-нибудь ином. Например, о друзьях. Если будет возможность, надо в городе заглянуть к своему товарищу по студенческому театру Владимиру Льянову. Он уже был женат. Счастливчик! Жил он с молодой женой в отдельной кооперативной квартире. У них появился малыш. Надо обязательно их поведать.

С автовокзала по телефону-автомату Лёшка позвонил Володьке, в трубку ответил незнакомый женский голос: «Сейчас посмотрю, он где-то здесь». Через паузу Вовкин голос: «Лёха, приезжай, ты где? Сегодня похороны. Брат Колька умер!»

Старший брат Володи, Николай, жил в небольшом городке Сибирской тайги, как говорится, туда даже царь декабристов не ссылал. Беда случилась внезапно. Крепкий, краснощёкий парень Николай Льянов в свои тридцать с небольшим лет выглядел настоящим русским богатырём. Широкоплечий, приземистый, мускулистый, всегда с приветливой улыбкой, он искренне наслаждался жизнью: Жена, дети, как положено; привечал друзей и любил застолье; имел своё охотничье угодье, азартно рыбачил, забираясь на моторной лодке в небольшие горные речушки; кулями заготавливал кедровые шишки; выбираясь в отпуск на «большую землю», путешествовал по Европе – в общем, жил на широкую ногу, ни в чём не отказывал ни себе, ни своим родным. И вдруг... Стало трудно дышать. Замучила головная боль. Лёгкая операция, как обещали врачи, по удалению полипов в носу действительно помогла. Но через три года стало совсем плохо. Голову разрывало мучительной пыткой: терпеть мочи нет, легче сдохнуть! Обезболивающие не помогали. Только коньяк. Покупал его ящиками. Лёг на обследование в областную больницу. Предложили ординарную операцию под общим наркозом. Без всякого опасения согласился. И вдруг, уже второй «и вдруг»... Оказалось – это не полипы, а онкология. Хирург вскрыл носовую полость и ужаснулся. Метастазы уже ушли в мозг, а это профиль не отоларинголога. Третий «и вдруг» был летальным. От наркоза Николай так и не пришёл в себя. Бедная жена в безысходности не знала, что делать, а когда родители Николая по телефону потребовали везти тело в Казахстан, где они жили, совсем растерялась. Хорошо друзья Колькины оказались рядом. Всё устроили. И вот на девятый день после кончины покойного доставили в Петропавловск. Об этом подробно рассказывал Алексею Володька. Чувствовалось, ему просто хотелось выговориться.

– Вовик, чем я могу помочь, может деньги нужны? – Алексей искренне желал принять участие в печальных событиях.

– Спасибо, Князь! Всё уже организовано и оплачено. Просто будь рядом. Для меня это важно!

Володька энергично распорядился и в траурном мероприятии у дома, и на кладбище. Был сосредоточен и спокоен. Командовал, как ровнее установить надгробие и памятник с обяза-

тельной красной звездой. Друзья Николая подошли к Володьке и предложили помянуть покойного по сибирской традиции прямо у могилы. Налили в стакан водки, плеснув сперва на свежий надгробный холмик. Володя выпил, не закусывая. Алкоголь подействовал почти сразу. Пока подходили к автобусу, пока в него усаживались, Льянов вдруг взмахнул разрыдался на плече у Пожарского. Алексей и не пытался его успокоить, пусть через слёзы выплеснет из души накопившуюся горечь.

– Как мне больно, Лёха! Как жаль брата! Всё! Закопали его! Теперь я у мамки и папки один. Они так любили Николая!

Пока ехали на поминальную трапезу, Володька как будто задремал: затих, упёршись лбом в стекло автобусного окна, и не реагировал ни на что. Алексей вспомнил похороны отца. После того, как установили оградку, казалось, все присутствующие перестали плакать и горевать. Исполнив погребальную традицию, родственники успокоились и как будто просветлели, вздохнув. От кладбища до села шли пешком. Разговаривали о делах земных, не связанных со смертью отца. Алёшка удивлялся: они что, забыли сразу, что папка умер? Это были в его жизни первые похороны. Деды ушли из жизни, когда он был совсем маленьким. А теперь он, девятиклассник, в одночасье стал единственным мужиком в семье, ответственным и за дом, и за мамку, и за себя. Именно тогда Алексей и дал себе обещание исполнить отцовский завет – выйти в люди!

Конкуренция

Чем отличается драматический школьный кружок от театра? Вопрос, казалось бы, риторический, но требующий принципиального разъяснения. Выступление кружковцев, как правило, одноразовое. В театре же спектакли играют многократно.

К ноябрьским праздникам Наталья Ивановна Полянская традиционно готовила учеников к пафосному представлению: обычно это были короткие инсценировки на революционные темы, чтение стихов, исполнение бравурных песен. К ней в кружок записалось всего человек пять. Зато к Пожарскому – все двадцать. С верными ей девчонками она подготовила монтаж по воспоминаниям Леонида Ильича Брежнева²⁵ «Целина». В прошлом году они инсценировали первые две книги генсека «Малая Земля» и «Возрождение». В общем, перед каникулами в освобождённом от учебных столов классе состоялось выступление кружковцев. Собрались учителя, одноклассники, несколько родителей. Под музыку девочки озвучивали патетические слова партийного вождя. Выступление это было одноразовое. Но в лице администрации школы имело восторженную оценку. Что и говорить: налицо результат кружковой работы. «А когда хоть что-нибудь сможет показать молодой учитель Пожарский? И покажет ли вообще?» – высказывала свою претензию руководитель методического объединения. Надо отдать должное и завучу, и директору, никто из них не подгонял Алексея Егоровича. Терпеливо ожидали премьеры, предполагая увидеть «нечто потрясающее», так внушал им директор клуба Яков Моисеевич Горин.

Незаметно подошла к концу первая учебная четверть. На каникулах репетиции не прекращались. Чаще собирались в клубе. Директор Горин уже заказал афиши для спектакля, следил, чтобы все прожектора на сцене работали исправно, постоянно интересовался у режиссёра, нет ли каких проблем. Юные актёры подбирали одежду и обувь в костюмерной, и Сашенька Маевская, то есть Александра Леонидовна Горина, с увлечением помогала в этом Пожарскому. Особенно она была незаменима, когда примеряли женский гардероб. Устроив просмотр нарядов, режиссёр был требовательным, но объективным, и всё же, когда вышла на сцену под свет прожекторов и софитов Ольга Кузнецова в образе героини, сердцебиение у Алексея участилось: до чего ж она красивая! Маленькая, милая, стройная, нежная и хрупкая. Ну, как Гринёву

²⁵ Леонид Ильич Брежнев (1906–1982) – Генеральный секретарь ЦК КПСС с 1964 по 1982 годы.

не влюбиться в такую Машу Миронову. «Гринёву можно, а мне – нельзя! – внушал себе Алексей Егорович. – Жаль! Я учитель, я педагог. Она ученица, ребёнок ещё!»

Школьный трудовик Олег Иванович Тищенко предложил свою помощь в изготовлении реквизита для спектакля. Табуреты он делал с точёными ножками. Скамейки массивные, на вид тяжёлые, но в действительности лёгкие в переноске. Особенно Тищенко преуспел в изготовлении оружия. У него нашлись чертежи мушкетов восемнадцатого века, он узнал, что их ещё называли «фузеями». К их изготовлению на уроках труда он подключил учеников. Можно сказать, вся мужская половина школы помогала Пожарскому создавать спектакль. И, главное, Тищенко-Партос придумал стреляющий макет пушки для Белогорской крепости, благо она там по сюжету была одна. В его представлении пушка должна выглядеть похожей на реальную, но не медная и не чугунная. Жестяная, усиленная с помощью папье-маше и раскрашенная. При выстреле орудие должно изрыгать пламя и дым, грохот нужно было, конечно, записать на магнитофонную плёнку. Алексей при создании спецэффектов даже не мог себе представить, что такое возможно. Специально для этого он выстроил мизансцену, когда осаждённые, ожидая приступа пугачёвцев, смотрят в зал и туда же палят из пушки. Эффект должен был быть грандиозным. Предполагалось, что выстрел произведёт сильное впечатление на публику. Специально воздействовать на зрителей режиссёр предполагал в трёх сценах. Первая – дуэльная: там в самый напряжённый момент схватки неожиданно раздавался вопль Савельича, убегающего из зрительного зала, тогда-то Швабрин и втыкал шпагу в грудь Гринёва. Вторая – с пушкой. А третья, заключительная, во время казни Пугачёва. Сцена постепенно должна заполняться любопытствующей говорливой толпой, все пялили глаза в зал, кидали реплики. Получается, что эшафот находился между зрителями и действующими лицами. Звучали прощальные слова Емельяна, и – удар топора. Затем вскрик народа. Постепенно, набирая мощь, звучала скребущая по сердцу музыка. Народ, перекрестившись, молча разбрёдался. Свет медленно затухал. Прижавшись друг к другу, на сцене оставались только Гринёв и Миронова. Последний прожектор, направленный на них, постепенно угасал. Голос рассказчика подытоживал: «На этом заканчиваются записки Петра Андреевича Гринёва».

Справедливость?

В понедельник, только вернувшись с осенних каникул, все учащиеся на переменах, и педагоги азартно обсуждали первую серию нового телефильма «Место встречи изменить нельзя»²⁶. Пожарский не принимал участия в обмене мнениями. Телевизор стоял в большой комнате, и баб Маша не всегда включала его по вечерам. Алексей не страдал от этого, в тишине занимаясь своими делами. Главное, что он понял из отдельных реплик в школе, действие в картине происходит в Москве после войны, герои – сотрудники МУРа²⁷, в ролях Высоцкий, Конкин, Юрский, в титрах заявлены ещё Джигарханян, Куравлёв, Белявский, Евстигнеев. При таком составе актёров кино, конечно, должно быть интересным. А когда Алексей Егорович услышал имена персонажей – Жиглов и Шарапов, сразу сообразил: так это же по книге братьев Вайнеров²⁸ «Эра милосердия».

Года три назад Володька Лянюнов принёс Пожарскому захватывающий детектив. Они постоянно обменивались книгами, потом, прочитав, делились впечатлением. Увлечённо дискутировали и, порой не придя к общей точке зрения, расставались под утро, каждый убеждённый в своей правоте. Действие в романе разворачивается сразу после войны. Отдав миллионы жизней за победу, прожив четыре года среди мук, голода и смертей, советские люди заслужили мир, счастье, жизнь без насилия и злобы, граждане в стране надеялись на новые времена. Даже по календарю неких папуасов должна была наконец-то настать эра милосердия. А в действи-

²⁶ «Место встречи изменить нельзя» – советский мини-сериал режиссёра Станислава Говорухина.

²⁷ МУР – московский уголовный розыск.

²⁸ Братья Вайнеры – Аркадий Александрович (1931–2005) и Георгий Александрович (1938–2009) – писатели.

тельности в мирном городе идёт борьба с бандитизмом, воровством и убийствами. И чтобы добиться порядка, милиционерам тоже приходится стрелять на поражение. Жиглов считает, что все средства хороши для достижения цели: «Вор должен сидеть в тюрьме!» Но посадить вора используя нечестные приёмы, как в случае с Кирпичом, когда Жиглов подкидывает тому в карман кошелек, – это, по мнению Шарاپова, не справедливо. Кто из главных героев прав? Ну, ладно Кирпич, с ним всё понятно, он – враг. Такой же, как на войне, даже хуже, немец хоть форму фашистскую носит, а этот под своего косит. И цель у вора вражеская – ограбить. А вот как быть с загнанным в воровское логово Левченко? Бывшего фронтовика-разведчика отправляет за решётку отожравшийся в тылу особист. И где справедливость?

Вот на эту тему Льянов с Пожарским и дискутировали. А что сейчас? В эпоху развитого социализма, через шестьдесят лет после революции наступила всё-таки эра милосердия или нет?

Ведь до сих пор не сложно оговорить человека. Слава богу, сейчас из-за навета в Туруханск не ссылают, не тридцатые годы.

В сорок четвёртом Степан Нестерович Гроздов, узнав в исполкоме, что мать посадили за то, что она выносила зерно с элеватора и её с поличным взяли на проходной, был так раздосадован, что даже забыл поинтересоваться, а куда в какой детский дом отправили сестрёнку. Потому-то он сразу и согласился остаться у баб Маши в Явленке, возвращаться в город не хотелось. Казалось, все с укором будут смотреть на него, как на сына преступницы. И главное, муж-то у воровки геройски на войне погиб, один сын ногу потерял, другой без вести пропал, а она, зерно тырила, из которого для фронтовиков хлеб пекли. Позор! Простить такое было невозможно.

Работая в школе, Степан старался об этом не вспоминать. Окунался в дела с головой, только поспать и приходил домой. Иногда совесть грызла, стыдно было, что не забрал он к себе сестрёнку. А что он ей мог предложить? Сам жил, снимая комнату. С утра до вечера в школе. Одноногий. А в детском доме как ни как напоят, накормят, одежкой обеспечат, образование дадут. Это он так сам себя успокаивал. Но однажды в конце сороковых, находясь по делам в областном центре, зашёл Степан в городское адресное бюро. Заполнил бумажку с данными про сестру и получил справочку о том, что Вера Егоровна Гроздова проживает в студенческом общежитии учительского института.

Встреча родственников получилась эмоциональной со стороны Верочки, она и плакала, поглаживая костыли брата, и, не умолкая, щебетала про свою жизнь. Степан же был сурово сдержан, даже холодноват. Ни одного вопроса про мать он не задал. Сама же Верочка сказала, что собирается проведать мамку в Томской области. Мол, ей разрешили жить за территорией лагеря на поселении. Вот только надо денег подкопить. Степан вынул из кармана бумажник и со всем содержимым передал его сестрёнке. Он не матери тем самым помогал, а Верочке. Откуда у студентки возьмутся накопления?

В тот раз Степан Нестерович так и не узнал, что предшествовало аресту матери на проходной. Спустя много лет, Степан тогда переехал на школьную квартиру, Верочка приезжала в гости с сыном, сестрёнка и рассказала всё, как было в то злополучное время. После ухода Антона на фронт Гроздовы, мать с дочерью, жили замкнуто, да и общаться в бараке стало особо не с кем. Старые соседи разъехались, новые менялись часто, иные жили, не распаковывая чемоданов, в ожидании очередного переезда. Беда пришла в один из холодных зимних вечеров, когда Верочка была дома одна, мать трудилась во вторую смену. Вера сама открыла дверь после стука. Ворвались трое незнакомых мужчин, сразу заткнули рот и связали руки. Забрали всё, что можно было унести. Самое обидное, что исчезли деньги, мама только получила зарплату, и все продуктовые карточки на месяц, который только что начался. Мама ночью, придя со смены, нашла дочь привязанной к кровати с кляпом во рту. Проплакали до утра. Участковый «успокоил», что злодеев вряд ли найдут. Они наверняка уже в соседнюю область пере-

брались. Такие же ограбления произошли и в других квартирах. Это воровская шайка «заезжих гастролёров». А как жить? Даже продать или обменять на толкучке нет ничего. Неделю как-то выкручивались. После того, как Верочка в школе прямо на уроке упала в обморок от голода, мама и решилась. Несколько горстей овса она спрятала в рейтузах. И надо же, именно в этот день случилось усиление режима контроля на проходной, вместе с вахтёрами дежурили представители органов. Всех работников элеватора раздевали до нижнего белья, ну, из мамы и посыпалось. В связи с военным временем присудили восемь лет без права амнистии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.